

Память 07 апреля (ст.стиль 25 марта)

Слово на Благовещение Пресвятой Богородицы

Когда наступила полнота времени и приближалось время избавления рода человеческого чрез Божественное вочеловечение, долженствовало, чтобы нашлась такая чистая, непорочная и святая дева, которая бы достойна была воплотить бесплотного Бога и послужить делу нашего спасения. И такая дева нашлась: дева - чистейшая всякой чистоты, пренепорочнейшая несравненно более всякого разумного создания, святейшая всякой святыни, пречистая и преблагословенная Дева Мария, отрасль святых, праведных Богоотцев Иоакима и Анны, плод родительских молитв и пощений, дочь от рода царского и архиерейского. Нашлась на месте святом, в церкви Соломоновой, Она - долженствовавшая Сама быть одушевленною церковью Божией. Внутри храма, в святилище, именовавшемся "Святая Святых", нашлась Та, Которая имела родить всех святых святейшее слово (Из цер. служб). Там, с высоты славы царствия

Своего, призрел Господь на смирение рабы Своей и избрал Ее, предизбранную из всех родов, в Матерь Своему Предвечному Слову.

Из достоверных повествований святых мы узнаем, что еще до архангельского благовещения Ей было таинственно предвозвещено воплощение от Нее Бога - Слова. Живя в храме около двенадцати лет, Пречистая Дева упражнялась не только в непрестанной богомысленной молитве и повседневном рукоделии, но и в чтении книг Божественных, поучаясь в законе Господнем день и ночь. Святой Епифаний¹ и Амвросий² пишут о Ней, что Она отличалась необыкновенным умом, любила учиться и прилежала к чтению Божественного Писания. Церковный историк Георгий Кедрин³ повествует о Ней, что еще при жизни Своих родителей Она хорошо изучила еврейские книги. Читая часто, в пророчестве Исаии, слова: **"Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил"** (Ис.7:14)⁴, Она воспламенялась горячею любовью не только к имеющему прийти ожидаемому Мессии, но и к оной Деве, Которая предназначена зачать и родить Его. При сем Она размышляла и о том, сколь велико достоинство соделаться Материю Еммануила⁵, Сына Божия, и сколь неизреченно сие таинство, чтобы Дева была Материю. Ведая из пророчеств, что время пришествия Мессии приблизилось, что скипетр уже взят от Иуды и седмицы Данииловы оканчивались, Она полагала, что должна уже родиться на свет Та, предвозвещенная Исаиею, Дева, и часто из глубины сердца воздыхала и молилась в Себе, дабы Бог сподобил Ее видеть сию Деву и, если бы было возможно, быть у Нее хотя бы последнею рабою.

Однажды, когда по обыкновению Своему Она стояла на полунощной молитве и возносила к Богу таковые пламенные желания, внезапно свыше воссиял на Нее необыкновенный свет и облистал Ее. Из середины сего света раздался голос, говорящий Ей:

- Ты родишь Сына Моего!

Невозможно выразить словами ту радость, коею преисполнилась Пресвятая Дева, и того чувства, с коим Она поклонилась до земли, воздавая Богу Творцу Своему Свою благодарность Так "**призрел**" Господь "**на смирение рабы Своей**" (Лк.1:48). Та, Которая, из любви к Богу, желала послужить чистой Матери Мессии, сподобилась Сама быть Ему Матерью и Госпожею всякого создания. Сие откровение было Ей на двенадцатом году Ее жизни, за два года до Ее обручения, и сей тайны Она никому не открывала до самого вознесения Господня. После сего откровения Ей стало известно, что в Ее девической утробе имеет быть таинство зачатия, и Она ждала времени, когда должно было совершиться событие сего таинства.

Когда, по свидетельству святого Евода⁶, исполнилось одиннадцать лет пребывания Пресвятой Девы в храме Соломоновом и наступил двенадцатый год, а по свидетельству Георгия Кедрина, Ей исполнилось четырнадцать лет от роду, архиерей и священники стали приказывать Ей, чтобы Она, по обычаю законному, переселясь из храма в дом, подобно другим девицам Ее лет, вышла замуж. Но Она им отвечала, что Она еще от пелен отдана родителями единому лишь Богу, и Ему обещала сохранить навсегда Свое девство, а потому и невозможно Ей сочетаться с человеком смертным, и ничто в свете не принудит Ее вступить в брак, так как Она посвятила девство Своему бессмертному Богу.

Архиереи удивились новости сего обета, ибо не было еще на земле ни одной девицы, обещавшей Богу навсегда сохранить свое девство, и Она явилась в мире первою в сем отношении. Они стали советоваться между собою, как им поступить Они не хотели, чтобы Она продолжала жить при храме, не хотели даже пускать Ее более в храм Господень за внутреннюю завесу, но в то же время не смели обручить мужу деву, обещавшуюся Богу, и недоумевали, как богоугодно устроить Ее безбрачную, девическую жизнь так, чтобы не прогневать Бога Они почитали за великий грех и то, и другое: и принуждать к браку деву, обещавшую Богу вечное девство, и держать во "Святая Святых" деву, достигшую совершенного возраста. Святой Григорий Нисский⁷ говорит о сем так: "пока Она была еще в юных летах, иереи соблюдали Ее, подобно тому, как Самуила во храме; Но когда Она достигла совершенного возраста, то они советовались между собою: что им далее с Нею делать, чтобы не прогневать Бога". Церковный историк Никифор Каллист⁸ повествует о том же следующее:

"Когда святая Дева пришла в возраст, священники составили между собою совет, как Ее устроить, чтобы им не оказаться оскорбителями Ее святого тела, опасаясь, что совершат грех святотатства, если выдадут замуж и подчинят закону супружества Ту, Которая раз навсегда принадлежала лишь одному Богу; в то же время они говорили, что не подобает девице, достигшей такого возраста, пребывать во святилище, что сего закон не допускает, и сие недостойно и не приличествует святыне. И вот, приступив к кивоту завета и сотворив усердную молитву, они, как повествует блаж. Иероним⁹, получили ответ от Господа, чтобы искали такого достойного мужа, коему бы могла быть вверена дева под видом и образом супружества для хранения непорочного девства. Относительно же того, как найти такого мужа, совет Господень был таков: из дома и племени Давидова избрать безбрачных мужей и положить их жезл в алтаре - чей жезл процветет, тому святая Дева и должна быть вверена. В то самое время наступил праздник Освящения храма, установленный Маккавеями¹⁰; начало праздника было 25 ноября, а отдание 3 декабря. И собралось тогда в храме из окрестных городов множество народа; пришли на праздник мужи и из рода Давида, родственники Девы Марии. Георгий Кедрин повествует, что святитель, великий Захария, отец Предтечи Господня, собрав двенадцать безбрачных мужей из племени Давидова, между коими находился и святой Иосиф, муж праведный и уже преклонных лет, взял жезлы их и положил на ночь во святом алтаре, говоря: "Господи Боже, яви мужа, достойного обручиться с Девой!" Наутро, когда священники вместе с двенадцатью теми мужами вошли в храм, жезл Иосифа был найден расцветшим, и на нем, как о том свидетельствует Иероним, сидела слетевшая свыше голубица. Тогда все познали благоизволение Божие, чтобы Дева

была вручена на сохранение Иосифу. Некоторые думают, что и Пресвятой Деве, всячески избегавшей обручения и весьма заботившейся о чистоте Своего девства, как бы не было причинено Ей какое-либо оскорбление, было также особенное откровение, чтобы Она не усомнилась идти к родственнику Своему и обручнику Иосифу, мужу праведному, богоугодному и святому, не для плотского супружеского соединения, но на устроенное вышним промыслом соблюдение и хранение Ее девства. По совершении обручения, святой Иосиф взял Пречистую Деву из рук первосвященника из храма Господня для чистого и непорочного сожития, не повреждающего цвета девства. И был святой Иосиф только мнимым Ее мужем, а в действительности целомудренным хранителем Ее девства и служителем Ее девического жития, исполненного великой святости".

Живя в доме своего обрученника, Пречистая Дева не изменила прежнего образа жизни, какой Она имела во Святом Святах. Ни в чем ином Она не упражнялась, как только в богомысленной молитве, в чтении божественных книг и в обычном женском рукоделье. Дом Иосифа был для Нее как бы молитвенным храмом, из коего Она никуда не выходила, но всегда пребывала в нем в уединении, посте и молчании, беседуя только с Своими домашними, т.е. с дочерьми Иосифа.

Георгий Кедрин повествует о Ней: "Мария в доме Своего обрученника пребывала в посте и избегала выходить в народ, проводя время с двумя дочерьми Иосифа; с ними только иногда разговаривала, когда Сие было необходимо, и то кратко".

По свидетельству святого Евода, после четырехмесячного пребывания Ея в доме Иосифа наступил час воплощения Бога-Слова, час от веков вождеденный для всего мира, в который началось наше спасение. И послал Бог единого из небесных духов, наиболее близко предстоящих у престола Его, архангела Гавриила, с извещением о таинстве, сокровенном от века и неведомом самим ангелам, - благовестить Пречистой Деве дивное зачатие Сына Божия, превосходящее всякое разумение и естество человеческое. О сем благовестим святой Лука в Евангелии так пишет: "**в месяц шестой послан был Ангел Гавриил от Бога**" (Лк.1:26). То был шестой месяц после зачатия святого Иоанна Предтечи, и тот же ангел, который благовестил Захарии зачатие Иоанна, послан был благовестить Пречистой Деве о зачатии Христа; в шестой же месяц он послан был для того, чтобы шестимесячный Предтеча во чреве Матери взыгрался от радости, ощутив пришествие Матери Господней.

"Послан был Ангел Гавриил в город Галилейский, называемый Назарет" (Лк.1:26). Галилея тогда была страной языческой, хотя отчасти была населена и израильянами, почему и в писании говорится о ней: "**Галилея языческая**" (Ис 9:1). У израильян же она считалась последнею областью и была презираема, потому что была заселена грешными и неверующими жителями; посему-то иудеи, уничижая ее, говорили: "**разве из Галилеи Христос придет?**" (Ин.7:41); "**Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Ин.7:52). Посему и Назарет, город Галилейский, считался у них самым ничтожным, самым убогим и последним городом, так что они говорили: "**из Назарета может ли быть что доброе?**" (Ин.1:46).

Но обратим внимание на Божье благоволение. Где Он восхотел иметь Пречистую Матерь Свою? Не в стране Иудейской, не в святом и великом граде Иерусалиме, но в считавшейся грешной Галилее, в убогом Назарете, чтобы с одной стороны показать, что Он пришел на землю ради грешных: "**Я пришел, - говорил Он, - призвать не праведников, а грешников к покаянию**" (Лк.5:32), и из неверных язычников создать Себе Церковь верную; с другой стороны - дабы явно было, что Он милостиво взирает на смиренных, отверженных и уничиженных, а не гордых и знатных. Ибо когда Бог-Слово восхотел сойти небес к грешникам, то с высоты славы Своей взирал, где было более грешников, и в Иудее увидел Он иерусалимлян, считавших себя праведниками и оправдывавших себя пред людьми, а галилеян всеми презираемых и считавшихся грешными более всех других. Итак, миновав мнимо Святую Иудею, Господь сошел в мнимо грешную Галилею, миновав и Иерусалим, сей великий, почитаемый и славный город; Он сошел в Назарете, городок

убогий и презираемый, избирая для Себя в сем мире последнее место и смиряясь даже до образа раба и грешника.

Умален был Назарет, но какой великой благодати Он сподобился! Все прочие большие города израильские, до неба вознесшиеся, не могли сего удостоиться. В убогом Назарете - высшая всех святых ангелов Дева, чрево Которой невместимый Христос-Бог пространнее небес сотворил. Сюда архангел Гавриил посылается, здесь Дух Святой осеняет, здесь Бог-Слово воплощается; ибо где смирение, там и слава Божия воссияет. Города гордые не угодны были Христу, а смиренные приятны Ему. В бесславном городе Назарете Христос зачался, а в славном городе Иерусалиме Его распяли. В малом Вифлиеме Он рождается, в великом Иерусалиме Его предали на смерть. В смиренных Господь является, а гордые гонят Его от себя.

Святой Андрей Критский¹¹ о ниспослании архангела к Пречистой Деве говорит так: "Единому из первейших Своих Ангелов Бог повелевает возвестить тайну и, мановением Своего величия, как бы так вещает: "Гавриил! Иди в Назарет, город Галилейский: в нем живет Отроковица Дева Мария, обрученная мужу, по имени Иосифу". "Иди, - говорит Господь, - в Назарет". Ради чего же? Ради того, что Всевышний приемлет вожделеннейшую красоту девства, как благовоннейшую розу из страны тернистой. "Иди в Назарет", чтобы исполнилось пророчество: **"он Назореем наречется"** (Мф 2:23). Кто же наречется Назореем? Тот, Кого Нафанаил назовет впоследствии Сыном Божиим и Царем Израилевым. Посылается Гавриил, которому и прежде повелеваемо было возвещать божественные тайны, как о сем ясно сказано в книге пророка Даниила. "Иди в Назарет, город Галилейский", - говорит Бог Гавриилу и, пришедши туда, благовести Деве радость, которую некогда утратила Ева. Берегись, чтобы не смутить Ее; ибо сие приветствие твое - знак радости, а не печали, утешения, а не смущения. И может ли быть для человеческого рода радость высшая той, что естество человеческое соединится с естеством Божиим и, по причине сего соединения в Едином Лице, соделается единым с Богом! Может ли что быть изумительнее, как видеть Бога, смирившего Себя до того, чтобы быть носимым в утробе женской? О, поразительное чудо! Бог, Которому небо престол, а земля подножие ног¹², Бог, Которого не вмещают небеса, Который Един со Отцом разделяет престол вечности, - вмещается в девической утробе! Может ли что быть удивительнее, как видеть Бога во образе человеческом, не разлучающегося в то же время и с Своим Божеством, и естество человеческое видеть соединенным с естеством своего Создателя, дабы Бог явился совершенным и всецелым человеком?

Гавриил, продолжает св. Андрей Критский, - выслушав Божественное вещание и приняв повеление, подтвержденное мановением Божиим, но превышающее силы его, находился между страхом и радостью. Не сознавая себя достойным к исполнению Божественного повеления, но не дерзая и ослушаться его, он, повинувшись гласу Божию, отлетел к Деве и, достигнув Назарета, остановился при входе в дом Иосифа. Недоумевая и размышляя сам в себе, он как бы так рассуждал: "Как приступить к исполнению повеления Божия! Войти ли сразу поспешно? Но тогда я могу возмутить спокойствие Девы. Войти ли медленнее?"

Но тогда Дева, ощутив мое присутствие, восхочет скрыться. Постучаться ли в дверь? Но сие несвойственно ангелам: ибо для бесплотных нет ничего запертого и возбраняющего вход. Отворить ли дверь? Но я могу войти и чрез затворенные двери. Назвать ли Деву по имени? Но сим могу испугать Ее. Войду лучше тихо и буду приветствовать Ее с кротостью, как и повелел мне Пославший меня. Но что я начну говорить Деве? Возвещу ли Ей прежде всего радость, или скажу, что Сам Бог имеет вместиться в Ней, что Дух Святой найдет на Нее, и сила Вышнего осенит Ее! Возвещу Ей прежде всего радость, а там поведаю и таинство чудесное. Приступлю к Ней и радостно воспою приветствие: "Радуйся! Веселись! Утешайся!" Сии слова будут самым приличным началом моей беседы с Девой. Она тогда уже не испугается, и помыслы не смутят Ее. Посему начну свое благовестие так: прежде всего принесу Ей весть радости и веселия, таковыми словами должно приветствовать Ее,

как Царицу: ибо сие есть событие радости, время веселья, царство мира, совет Божий о спасении, начало утешения.

Видите ли, с каким благоговением приходит Архангел к Богоотроковице, с сколь великим трепетным почтением готовится приступить к Владычице всего мира, как предварительно размышляет о тех, исполненных радости, словах благовещения, с коими должен обратиться к Ней. Достоинно при сем обратить свое благоговейное внимание и на то, что он нашел Ее не вне дома и горницы своей, не на улицах городских посреди народа и мирских бесед, не суетящуюся дома в житейских попечениях, но упражняющуюся в безмолвии, молитве и чтении книг, как ею ясно показывает и иконное изображение Благовещения, представляя Деву Марию с положенною пред Нею и раскрытою книгою, в доказательство непрестанного упражнения Ее в чтении божественных книг и богомыслии. В то самое время, когда явился к Деве небесный благовестник, Она, как полагают богомудрые отцы Церкви, имела в уме слова пророка Исаии: **"се, Дева во чреве зачнет"** (Ис.7:14), и размышляла, каким образом и когда будет то странное и необычное для девического естества зачатие и рождение. Еще ранее сего времени Она, как выше уже было сказано по Георгию Кедрину, была извещена Божиим откровением, что не иная какая дева, но Она Сама послужит совершению таинства и родит желаемого Мессию. От сего извещения горела Она любовью серафимскою к Богу и Творцу Своему и молила Его милосердие, да исполнит Он скорее совершение Божественного обетования Своего и пророчества Исаии, и с пламенным желанием говорила Себе: "Когда же настанет для Меня оное вожделенное время, и Создатель Мой, благоизволив принять от Меня плоть человеческую, сойдет с небес и вселится в Меня? Когда достигну того благословенного блаженства, чтобы соделаться Матерью Бога Моего! А до того времени, когда не достигну сего, слезы мои будут мне пищею день и ночь. Для ожидающих столь вожделенного и короткое время кажется слишком длинным".

Когда Пречистая Дева так размышляла и, в тайне серди Своего возносила с пламенною, горячею любовью к Господу богомысленную молитву, вдруг тихо предстал пред Нею благовестник Архангел Гавриил. Тот же святой учитель, Андрей Критский, так о сем пишет:

"Архангел Гавриил вошел в дом и, приступив к внутреннему покою, в котором Дева обитала, тихо приблизился к дверям и, проникнув внутрь, кротким голосом начал с Нею беседовать. "Радуйся, - сказал он, - Благодатная, Господь с Тобою! Суший прежде Тебя - ныне с Тобою и скоро из Тебя произойдет; Суший прежде всей вечности - ныне будет под временем". О, безмерное человеколюбие (воскликает святой Андрей)! О, неисповедимое милосердие! Архангел не только благовествует радость, но радость обитания Творца в Деве. Ибо слова его "Господь с Тобою!" явно показывают присутствие Царя, хотя и принявшего от Нее плоть человеческую, но тем ни мало не отступившего от свойственной Ему славы! Радуйся, обрадованная, Господь с Тобою! Радуйся, всечестное орудие мира, коим горестный приговор, осудивший мир на проклятие, применяется на радости! Призыв к блаженству! Радуйся, воистину Благословенная! Радуйся, Дева превосходнейшая! Радуйся, прекрасный храм небесной славы! Радуйся, освященная палата Царя! Радуйся, чертог, в коем Христос обручился и сочетался с человечеством! Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Исаия провидел пророческими очами и наименовал Пророчицей, Девою, книгою запечатленною! Благословенна воистину Ты, нареченная Иезекиилем денницею и дверью затворенною, чрез Которую прошел Единый Бог! Благословенна воистину Ты, Единая, Которую муж желаний, Даниил, видел, как гору, и Которую чудный Аввакум назвал горою приосенненною, а царственный прародитель Твой, Давид, пророчески воспел горою Божьею, горою тучною, горою умащеною, горою, в коей благоволил вселиться Бог. Благословенна Ты в женах, Ты, Которую Захария, зритель Божественных Тайн, провидел, как превосходный светильник золотой, украшенный семью лампадами, означавшими семь даров Духа Святого. Воистину благоговейна Ты, вмещающая в Себе как бы рай и сад эдемский - Христа, Который, по Своему неизреченному всемогуществу, происшедши из

Твоей утробы, как источник воды живой, напоил четырьмя евангельскими струями все лице земли?"

Услышав такое приветствие Ангела, Дева смутилась от слов его и размышляла: "Что бы это было за приветствие?" Она смутилась, но не испугалась, потому что такое посещение не было совсем новым, нечаянным и внезапным. Появление Ангела не могло испугать Ее, ибо для Нее обычно было дружественное общение с ангелами еще во время пребывания во Святое Святых, где, по свидетельству святого Германа¹³, ежедневно принимала Она пищу из рук ангела. Но Она от удивления смутилась потому, что ангел прежде никогда не приходил к Ней в столь великой небесной славе, с столь радостным лицом и с такими преисполненными радости словами. Смутилась Она новостью всего этого, особенно слов ангела, что он приходит с необычным приветствием, говоря: **"Благословенна ты в женах!"** (Лк.1:28), чрез то полагая Ее, Деву, в числе жен. Она смутилась, как целомудренная, но не устрашилась, как мужественная, и, как одаренная духом благоразумия и мудрости, размышляла Сама с Собою: "Что бы это было за приветствие? Что хочет сказать Мне ангел сим приветствием? Не введет ли Меня опять в храм Господень, или не принес ли он Мне с неба какую-либо новую пищу? Или не возвестит ли он новой тайны от Бога? Не научит ли он Меня, так много размышляющую и не могущую понять, как **"Дева во чреве зачнет и родит сына"** (Ис.7:14)? Что же будет из сего приветствия?" Тогда ангел сказал Ей:

- Не бойся, Мария! Не сомневайся более о предреченной Исаией Деве. Ты Та Самая Дева, Которая обрела такую благодать, чтобы бессеменно зачать Еммануила и родить Его неизреченно, как Он Сам то ведает. Ты обрела благодать Божию премногими Твоими добродетелями, особенно же тремя высочайшими: Ты обрела благодать глубоким Твоим смирением, ибо смиренным дает Свою благодать Бог, глаголющий: **"На кого Я призрю: на смиренного и молчаливого"** (Ис.66:2). Ты обрела благодать девственною чистотою Твоею; ибо Бог, как чистейший по естеству Своему, желает родиться от Пречистой и нетленной Девы; Ты обрела благодать у Бога Твоею пламенною любовью к Нему, ибо Господь сказал: **"Любящих Меня Я люблю, и ищущие Меня найдут благодать"** (Притч.8:17). А поелику Ты возлюбила и взыскала Его всем сердцем, то посему и обрела благодать у Него, и родишь Сына, не простого смертного, но Сына Божественного, Сына Вышнего, Бога от Бога, прежде веков от Отца без матери рожденного, от Тебя же, Девы - Матери, без Отца произойти имеющего. Его имя будет чудное и неизреченное: Ты наречешь имя Ему - Иисус¹⁴, что значит Спаситель, ибо Он спасет весь мир и воцарится, без сравнения, преславнее праотца Давида и всех прежде бывших царей из дома Иакова. Но царство Его будет не временное, а вечное, нескончаемое в бесконечные веки. - Как будет сие, - спросила Мария ангела, - когда Я мужа не знаю?

Пречистая Дева верила словам ангела, ибо по благодати Божией, которой Она была исполнена, знала о том, что Она родит Благовестуемого, о чем получила извещение во время пребывания в храме от Самого Бога; но Ей неизвестно только было: как это сбудется, каким образом Дева, не познавшая мужа, может родить? Потому Она и спросила ангела: "Как будет сие?"

Рассуждая о сем, святой Григорий Нисский, от лица Ее, так говорит к ангелу: "О ангел! Поведай Мне образ самого рождения! - и ты обрящешь сердце Мое готовым к совершению Божественного благоизволения: ибо я желаю Себе такового плода, но без нарушения девства".

Святой Амвросий о том же рассуждает так: "хорошо спросила Она ангела: **"Как будет сие?"** (Лк.1:34). Ибо Она, хотя и прежде читала, что Дева зачнет, но не знала о том, каким образом сие сбудется. Она действительно читала пророческое слово: **"Се, дева зачнет"**, но как зачнет - о сем только ныне возвещает Ей ангел во время благовещения.

И вот ангел открывает Деве и самый образ зачатия, что зачатие сие будет не по естеству человеческому и обычному порядку, но сверхъестественно, "идеже бо хочет Бог, побеждается естества чин"¹⁵, что зачатие сие будет по действию Святого Духа: **"Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя"** (Лк.1:35).

От Него примешь во чреве Твоем, и Он совершит в Тебе неведомое зачатие. Тот, Кто из бездушной земли мог создать Адама, не тем ли паче возможен от живой Девы произвести Живого Младенца? Если Богу возможно было из кости Адамовой создать жену, не тем ли более Он может сотворить человека во утробе девической? Вседействующий Дух Святой соделает то, что в Твоей, Пресвятая Дева, Пречистой утробе, от Твоей плоти, таинственно устроится плоть бесплотному Сыну Божию. Чрез Тебя, дверь, чистотою запечатленную и девством хранимую, пройдет Господь, как луч солнечный проходит через стекло и кристалл, освящая и просвещая Тебя Божественною Своею славою; так что Ты будешь истинной Матерью Божьею, родившей совершенного Бога и совершенного человека, и нетленную Девую как до рождества, так пребывающей ею и в рождестве и по рождестве: сие соделает в Тебе, наитием Святого Духа, сила Всевышнего. А что сие истинно, в удостоверение сего - да послужит тебе знамением то, что вот и родственница Твоя Елисавета, от юности бывшая бесплодной и уже состарившаяся, зачала сына, ибо так угодно Богу, Который и из невозможного творит возможное. Ибо между людей кажется невозможным как то, чтобы нетленная Дева зачала и родила без мужа, так и то, чтобы зачала и родила бесплодная и состарившаяся женщина; но у всемогущего Творца все возможно, ибо **"у Бога не останется бессильным никакое слово"** (Лк.1:37); по Его мановению и бесплодная старица зачала, и Ты, Дева, зачнешь.

Услышав от ангела сие благовестие, Пречистая преклонилась пред волею Господа Своего и с глубочайшим смирением отвечала от исполненного любви к Богу сердца Своего: **"Я - раба Господня, да будет Мне по слову Твоему"** (Лк.1:38). И в то же мгновение, действием Святого Духа, совершилось во святой утробе Ее несказанное зачатие, без услаждения плотского, но не без восторга духовного. Тогда девическое сердце Ее особенно сильно растаявало Божественным желанием, и пламенем любви серафимской горел дух Ее, и весь ум Ее, как бы находясь вне себя, погружался в Боге, неизреченно услаждаясь благостью Его. В сем наслаждении Ее духа всесовершенным Боголюбием и ума - Боговидением и зачался Сын Божий, и **"слово стало плотью и вселилось в нас"** (Ин.1:14) вочеловечением.

Ангел, совершив, по повелению Божию, свое благовестие и трепетно, благоговейным поклонением почтив Воплощающегося во утробе девической и Деву, воплощающую в Себе Бога, отошел от Нее к престолу Господа - Саваофа, славя таинство вочеловечения Божия, со всеми небесными силами, в исповедимой радости во веки. Аминь.

Тропарь, глас 4:

Днесь спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление: Сын Божий Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовестует. Темже и мы с ним Богородице возопиим: радуйся благодатная, Господь с Тобою.

Кондак, глас 8:

Взбранной воеводе победительная, яко избавльшися от злых, благодарственная восписуем ти раби Твои Богородице: но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем ти: радуйся Невесто Неневестная.

Величание праздника Благовещения

Архангельский глас/ вопием Ти, Чистая:/ радуйся,/ Благодатная,// Господь с Тобою.

- 2 Св. Амвросий медиоланский (или миланский), в Италии - знаменитейший отец западной Церкви и христианский писатель IV в. Из его сочинений особенно замечательно "De officiis clericorum" ("О должностях священнослужителей"). Скончался св. Амвросий в 397 г. Память его празднуется 7 декабря.
- 3 Георгий Кедрин - византийский писатель конца XI и начала XII в. Из его трудов особенно известен "Synopsis istorion" Это сочинение обнимает собою историю еврейского и римского народа и Византии, но не имеет особенно крупных достоинств, так как представляет по местам пересказ других исторических сочинений, особенно хроники Иоанна Скилицы и Георгия Синкелла.
- 4 Это пророчество приводится у св. евангелиста Матфея (1:23).
- 5 Еммануил - имя, усвояемое Иисусу Христу у прор. Исаии (7:14) По переводу с еврейского, оно означает "с нами Бог".
- 6 Св. Евод - апостол из 70-ти.
- 7 Св Григорий, еп. Нисский, брат св. Василия Великого - знаменитый церковный учитель IV в. Из его сочинений замечательны следующие: Шестоднев, где он решает высокие вопросы о творении мира и человека, оставленные св. Василием Великим (в его "Шестодневе") без ответа по их недоступности для народа. Катихизис, содержащий наставления о том, как надобно действовать при обращении язычников и иудеев и при опровержении лжеучения еретиков; 12 слов против Евномия и многие похвальные слова святым. Память его - 10 января.
- 8 Никифор Каллист, церковный историк XIV в., монах Софийского монастыря в Константинополе. Замечательный труд его - "Церковная история" (в 18 книгах), - доведенная до кончины византийского императора Фоки (611 г.). Скончался Каллист в 1350 г.
- 9 Блаж. Иероним - один из замечательнейших учителей Западной Церкви (330 - 419 г.). Труды его касались всех областей богословского знания. Самый замечательный его труд - латинский перевод свящ. Писания, известный под именем Вульгаты.
- 10 Маккавеи (от евр. makabi - молот) - первоначально прозвание одного Иуды Маккавея, распространенное потом на всех вообще защитников и исповедников веры во время гонений Антиоха Епифана. Особенно знамениты 7 братьев Маккавеев: Авим, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Алим, Маркелл и мать их Соломония, подвергнутые многим мучениям за отказ вкусить идоложертвенного мяса. Память их празднуется 1 августа.
- 11 Св. Андрей, архиепископ Критский, жил в к. VII и нач. VIII в. Он замечателен как проповедник и церковный песнописец. Самое замечательное его произведение - великий покаянный канон, читаемым на 1-ой неделе и в четверг 5-ой недели Великого поста. Скончался св. Андрей в 712 г. Память его празднуется 4 июля.
- 12 Ср. Мф 5:34-35.
- 13 Св. Герман, патриарх Константинопольский, жил в к. VII и нач. VIII в. В своей деятельности он заявил себя ревностным защитником иконопочитания. Скончался в 740 г. Память его празднуется 12 мая.
- 14 Иисус (греч. Insoys - исцелитель, от inao - исцеляю) по евр. Iehochua - помощь Иеговы, Спаситель.
- 15 Из догматика 7 гласа.

Преставление святителя Тихона, патриарха Московского и всея Руси¹

Дни памяти

7 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской

22 февраля - Обретение мощей

7 апреля - Преставление

5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых

29 июня (переходящая) - Собор Псковских святых

19 июля - Собор Радонежских святых

9 октября - Прославление

18 октября - Собор Московских святителей

18 ноября - Память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.

Святитель Тихон родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. В миру он носил имя Василия. Когда Василий был еще малолетним, его отцу Иоанну Беллаину было откровение о каждом из его детей. Однажды, когда он с тремя сыновьями спал на сеновале, то вдруг ночью проснулся и разбудил их. «Знаете, – заговорил он, – я сейчас видел свою покойную мать, которая предсказала мне скорую кончину, а затем, указывая на вас, прибавила: этот будет горюном всю жизнь, этот умрет в молодости, а этот – Василий – будет великим». Понял ли старец священник, что его сына будут на всех ектениях по всей России и даже по всему миру поминать "великим господином"? Пророчество явившейся покойницы со всею точностью исполнилось на всех трех братьях.

Детские и юношеские годы Василия прошли в деревне, в непосредственном соприкосновении с крестьянством и близости к сельскому труду. Василий любил Церковь, имел особую религиозную настроенность и был кроток и смирен. Никакого сильного покровительства он не имел и своим великим и славным служением всецело обязан помощи Божией, даровавшей ему мудрость и трудолюбие, восприняв которые, он предал всего себя в волю Божию.

Учился Вася Беллаин в Псковской духовной семинарии в 1878–1883 годах. Он был физически крепким, довольно высокого роста, белокурым, остроумным и жизнерадостным мальчиком. Товарищи любили его. К этой любви всегда присоединялось и чувство уважения, объяснявшееся его неуклонной религиозностью, блестящими успехами в науках и всегдашнюю готовностью помочь товарищам, неизменно обращавшимся к нему за разъяснениями уроков, особенно за помощью в составлении и исправлении многочисленных в семинарии сочинений. В этом юный Василий находил для себя даже какое-то удовольствие, веселье, и с постоянной шуткой, хотя и с наружно серьезным видом, целыми часами проводил с товарищами, поодиночке или группами внимавшими его объяснениям. Примечательно, что товарищи в семинарии шутливо называли его «архиереем».

В Петроградской духовной академии, куда поступил он в 19 лет, не принято было давать шуточные прозвища, но товарищи по курсу, очень любившие ласкового и спокойного

¹ Его канонизация произошла в 1989 г. и совпала с четырехсотой годовщиной установления патриаршества в России.

религиозного псковича, называли его «патриархом». Впоследствии, когда он стал первым в России, после 217-летнего перерыва, патриархом, его товарищи по академии не раз вспоминали это пророческое прозвище.

В 1888 г. Беллавин 23 лет от роду окончил академию и в светском звании получил назначение в родную Псковскую духовную семинарию преподавателем. И здесь он был любимцем не только всей семинарии, но и города Пскова. Жил он скромно, в мезонине деревянного домика, в тихом переулке близ церкви Николы со Усохи. Стремясь своей чистой душой к Богу, он вел строгую, целомудренную жизнь и на 26 году жизни, в 1891 году, принял монашество. На его постриг собрался чуть не весь город. Опасались, выдержат ли полы тяжесть собравшегося народа, ибо церковь была на втором этаже семинарского здания, поэтому к дню пострига поставили подпорки к потолкам в нижнем этаже. Постригаемый сознательно и обдуманно вступал в новую жизнь, желая посвятить себя исключительно служению Церкви. Ему, с молодости отличавшемуся кротостью и смирением, было дано имя Тихон – в честь святителя Задонского († 1783 г.; память 13/26 августа).

Из Псковской семинарии иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую духовную семинарию, где он вскоре затем был и ректором ее в сане архимандрита. В 1898 г. 34-летний архимандрит Тихон был возведен в сан епископа Люблинского с назначением викарием Холмской епархии.

Епископ Тихон ревностно отдался работам по устройству своего нового назначения. Его честное сердце никогда не выносило каких бы то ни было посторонних вмешательств в церковную жизнь. Ревизируя по обязанности Холмского викария привислинские монастыри, он нашел в одном из них отсутствие полной отчетности и полный произвол графини-игумении в распоряжении монастырскими доходами. Преосвященный Тихон заявил об этом своему архиепископу, и графиня вынуждена была поехать с объяснениями в Петербург, в Синод. Одновременно он любил служить и проповедовать, за одиннадцать месяцев служения в Люблине будущий патриарх произнес 120 проповедей.

В 1898 г., 14 сентября, владыка Тихон был направлен для несения ответственного служения за океан, в далекую Американскую епархию в сане епископа Алеутского.

С большим волнением уезжал в далекие края молодой епископ вместе с младшим своим братом, болезненным юношей, покидая в Псковской губернии горячо любимую мать. Отца его тогда уже не было в живых. Позднее и брат скончался на руках преосвященного Тихона, несмотря на все заботы о нем в далекой Америке, лишь тело его было перевезено в родной Торопец, где жила еще старушка мать. Вскоре с ее кончиной не осталось в живых никого из родственников будущего патриарха.

Возглавляя Православную Церковь в Америке, епископ Тихон много сделал в великом деле распространения Православия, в благоустройстве своей огромной епархии. На ее территории жили люди разных национальностей: русские, сербы, галичане и другие славяне, греки, арабы, креолы, индейцы, алеуты и эскимосы. Одни были из православных стран – России, Греции, Сербии, другие – из стран Оттоманской или Австро-Венгерской империи; некоторые стали православными благодаря миссионерским усилиям на Северо-Американском континенте – Аляске и Алеутских островах. Епископу столь разнообразной паствы необходимо было быть щедрым, гибким и иметь ко всем сердечное расположение. 22 мая 1901 года епископ Тихон освятил при закладке камень в фундамент Свято-Николаевского собора. Такая церемония состоялась в Нью-Йорке впервые. Примерно через год, в ноябре 1902 года, сирийские и русские приходы в Нью-Йорке имели уже настоящие дома молитвы: сирийский храм в Бруклине во имя св. Николая был освящен 9 ноября 1902 года; 23 ноября был освящен русский храм во имя св. Николая. Строительство храма св. Троицы в Чикаго заняло меньше года – с апреля 1902 года до марта 1903 года.

Одновременно с заботой о строительстве церковей епископ Тихон осуществляет пастырские поездки по своей епархии. «Вестник» тех лет давал ежемесячную хронику его постоянных и трудных визитов на Аляску, на Алеутские острова, в Канаду и в разные части

Соединенных Штатов. Каждое пастырское посещение занимало определенное время: нужно было проверить приходские счета, рассмотреть проекты строительства, проверить школьников, встретиться с духовенством, прочитать письма и другие бумаги. Епископ Тихон посещал самые разные общины. Хорошо известно, что в те годы, когда он управлял Северо-Американской епархией, с Православной Церковью воссоединилось множество униатов. Многие приходы, возникшие в восточных штатах, состояли из бывших униатов, и епископ нес ответственность за то, чтобы эти общины всегда оставались составной частью Православной Церкви.

При своих пастырских поездках епископ Тихон пришел к выводу о необходимости реорганизации епархиальной структуры. Первым шагом в этом, предпринятым епископом Тихоном, было прошение к Святейшему Синоду о переименовании епархии. В качестве показателя миссионерских корней епархиальный архиерей назывался епископом Алеутским и Аляскинским, хотя кафедра с 1868 была в Сан-Франциско. Просьба епископа Тихона состояла в том, чтобы епархия называлась Алеутской и Северо-Американской. Святейший Синод счел его доводы состоятельными и в 1900 году принял по ним положительное решение.

О желательности перевода кафедры в Нью-Йорк и создании в епархии викариатства впервые написал епархиальный «Вестник» 14/27 марта 1902 года. В те годы в нем регулярно освещались пастырские поездки епископа Тихона. Одна из статей кончалась выводом о том, что для решения всех миссионерских проблем нужно перенести кафедру на Восток и создать викариатство на Западе.

В июне 1903 года епископ Тихон отправился в Россию. Там он был вызван на сессию Св. Синода. Епископу Тихону было разрешено осуществить некоторые планы и проекты. «Вестник» от 15/28 сентября 1903 года опубликовал письмо Тихона о Северо-Американской семинарии.

12 декабря 1903 года Св. Синод принял решение о создании Аляскинского викариатства в Северо-Американской епархии. Викарным епископом был назначен преосвященный Иннокентий (Пустынский).

Епископ Тихон возвратился в Нью-Йорк 24 января 1904 года. Его пребывание в России оказалось успешным для возглавляемой им епархии. Новый викарий должен был прибыть через несколько недель. За этот период произошло и другое доброе событие. Св. Синод сообщил епископу Тихону об удовлетворении его просьбы о возведении архимандрита Рафаила в сан епископа Бруклинского, второго викария. Хиротония состоялась в сирийском храме св. Николая в Бруклине 12 марта. Храм был полон верующими до отказа. Архимандрит Рафаил прочитал Символ веры частично на славянском и частично на арабском языках.

Епископ Тихон был возведен в сан архиепископа 19 мая 1905 года. В документе, написанном архиепископом Тихоном в декабре 1905 года, отражены его пророческие представления о Православной Церкви в Америке. В ответ на анкету, разосланную всем епархиальным архиереям Русской Церкви Св. Синодом в ходе подготовки к давно ожидаемому Собору Русской Церкви, архиепископ Тихон высказал свои идеи о структуре Православной миссии в Северной Америке. Он предложил превратить епархию в экзархат

Русской Церкви, но с широкой автономией. Уже тогда он высказывался о возможности рассмотрения вопроса об автокефалии. Сербскую миссию он предложил сделать викариатством с центром в Чикаго. Греческие общины, писал он, должны быть организованы так же, как Сирийская и Сербская миссии. Он усматривал необходимость автономии и независимости только в вопросах, влияющих на внутреннюю жизнь или структуру каждой национальной епархии или викариатства, и подчеркивал также необходимость согласованных общих решений, выработанных епископами на заседаниях под председательством архиепископа в вопросах, касающихся всех.

Как епископу миссионерской епархии, распростершейся по всему континенту, епархии с многонациональной паствой, владыке Тихону приходилось думать о создании таких учреждений, которые помогли бы Церкви в Америке стать самостоятельной. Существовала очевидная необходимость в школе. Условия, в которых совершались пастырские труды в Северной Америке, весьма отличались от условий в России. Большинство служивших в миссии священников прибыли из-за границы, где они и получили свое образование. Такая зависимость от помощи извне была для епархии нежелательной. В 1905–1906 учебном году Миссионерская школа в Миннеаполисе, Миннесота, была преобразована в семинарию. В 1913 году она была переведена в Тенальфи, Нью-Джерси. В семинарии было воспитано два поколения священников для Церкви в Америке.

Становящаяся все более самостоятельной Церковь нуждалась также и в монастыре. «Вестник» время от времени уделял внимание этому вопросу. Лидером дискуссии был иеромонах Арсений (Чаузов), которому в июне 1905 года архиепископ Тихон дал благословение на создание монастыря близ Саут-Канаана в Пенсильвании. К моменту перевода архиепископа Тихона в Ярославль Свято-Тихоновский монастырь был уже освящен и насчитывал пять насельников.

Хроника пастырских поездок архиепископа Тихона показывает, что он возглавлял богослужения, совершавшиеся на нескольких языках. К концу пребывания архиепископа Тихона в Америке в Северо-Американской миссии была Сирийская миссия с девятью общинами и Сербская миссия также с девятью общинами. Многие приходы были многонациональными, и богослужения должны были проводиться на двух-трех языках. Наиболее приемлемым стал английский.

С самого начала своего служения в Америке архиепископ Тихон при малейшей возможности созывал епархиальное духовенство для обсуждения проблем жизни миссии. Одним из первых признаков того, что он желал большего, явилась конференция духовенства в Кливленде, Огайо, 2 июня 1905 года.

В январе 1907 года в «Вестнике» появилось объявление о созыве Собора от имени предсоборного комитета, назначенного архиепископом Тихоном. Собор открылся 5 марта. Делегатов приветствовал архиепископ Тихон, предложивший в качестве темы такую: «Как расширять миссию». Было решено начать работу с выработки Устава, который был бы законным и авторитетным в глазах гражданских властей. Собор после некоторого обсуждения выработал название Северо-Американской миссии – «Святая Православная Соборная и Апостольская Церковь», отразив таким образом наличие всех национальностей и языков.

На второй сессии рассматривались финансовые проблемы епархии.

На последней сессии Собора рассматривались богослужебные вопросы. Эта дискуссия была вызвана расхождениями в совершении обрядов и служб в разных приходах. Некоторые выступали за единообразие, но Собор согласился с мнением архиепископа Тихона о том, что различия совершенно естественны, поскольку православие в Америке возникло благодаря выходцам из разных стран, и что священник должен объяснять прихожанам разницу между главным и второстепенным. Если расхождения не затрагивают сути веры, они приемлемы.

В Америке, как и в предыдущих местах службы, архиепископ Тихон снискал себе всеобщую любовь и преданность. Он очень много потрудился на ниве Божией. Паства и

пастыри неизменно любили своего архипастыря и глубоко чтили. Американцы избрали архиепископа Тихона почетным гражданином Соединенных Штатов.

В 1907 году он был назначен на Ярославскую кафедру. Одним из первых распоряжений по епархии архипастыря было категорическое запрещение духовенству при личных к нему обращениях класть вошедшие в обычай земные поклоны. В Ярославле святитель быстро приобрел любовь своей паствы, оценившей его светлую душу и теплую заботу о всех своих пасомых. Все полюбили доступного, разумного архипастыря, охотно откликавшегося на все приглашения служить в многочисленных храмах Ярославля, в его древних монастырях и приходских церквях обширной епархии. Часто посещал он церкви и без всякой пышности ходил пешком, что в ту пору было необычайным делом для русских архиереев. В посещении церквей вникал во все подробности церковной обстановки, поднимался иногда на колокольню, к удивлению батюшек, непривычных к такой простоте архиереев. Но это удивление скоро сменялось искренней любовью к архипастырю, разговаривавшему с подчиненными просто, без всякого следа начальственного тона. Даже замечания обыкновенно делались добродушно, иногда с шуткой, которая еще более заставляла виновного стараться устранить неисправность.

Владыка Тихон оказывал неизменную поддержку тем церковным кругам, которые боролись за правду и свободу церковную. На этой почве у него произошло столкновение с ярославским губернатором, вследствие которого он 22 декабря 1913 года был переведен на Литовскую кафедру. Ярославское общество приняло сторону архипастыря и выразило ему сочувствие, избрав его почетным гражданином Ярославля.

После перевода в Вильну он сделал особенно много пожертвований в различные благотворительные учреждения. Здесь также выявилась его натура, богатая духом любви к людям. В Вильне от православного архиепископа требовалось много такта. Нужно было регулировать отношения между местными властями и православными жителями края. Для любящего во всем простоту архиепископа Тихона труднее всего было поддерживать внешний престиж духовного главы господствующей Церкви в крае, где высоко ценили пышность. В этом отношении простой и скромный владыка не оправдывал, кажется, требований ревнителей внешнего блеска, хотя в церковном служении он не уклонялся, конечно, от подобающего церковного величия. И там все его уважали. Вот он едет из Вильны на свою архиерейскую дачу, в простой коляске и в дорожной скуфейке, но все, кто его встречали и узнавали, – русские, поляки, евреи – низко ему кланялись. Во время прогулки по «кальварии» – так назывался ряд католических часовен вокруг архиерейской дачи, посвященных разным стадиям крестного пути Христа на Голгофу, – перед архиепископом вставали и приветствовали его все католики, служившие при часовне, хотя он был в подряснике и в шляпе.

Здесь, в Вильне, преосвященного застало в 1914 году объявление войны. Он направлял все свои силы к тому, чтобы помочь несчастным обитателям Виленщины, лишившимся по причине войны с немцами своего крова и средств к существованию и толпами шедшим к своему архипастырю. Его епархия оказалась в сфере военных действий, а затем через нее прошел и военный фронт, отрезавший часть епархии от России. Пришлось преосвященному покинуть Вильну. Сначала он поселился в Москве, куда перешли многие виленские учреждения, а потом в Десне, на окраине своей епархии. Во всех организациях, так или иначе помогавших пострадавшим на войне, обслуживавших духовные нужды воинов, преосвященный Тихон принимал деятельное участие: посещал и болящих, и страждущих, побывал даже на передовых позициях под неприятельским обстрелом, за это позднее он был награжден орденом.

Для преосвященного владыки Тихона, верного своему архиерейскому долгу, интересы Церкви всегда были дороже всего. Он противился любым посягательствам государства на Церковь. Это, конечно, влияло на отношение к нему правительства. Именно поэтому он довольно редко вызывался в столицу для присутствия в Святейшем Синоде. Когда же произошла Февральская революция и был сформирован новый Синод, архиепископа

Тихона пригласили в число его членов. 21 июня 1917 года Московский епархиальный съезд духовенства и мирян избрал его, как ревностного и просвещенного архипастыря, широко известного даже за пределами своей страны, своим правящим архиереем. Вот что писал об этом избрании орган Московской Духовной Академии «Богословский Вестник»: «Европейски просвещенный архиепископ Тихон на всех местах своего служения проявил себя независимым деятелем высокой честности, твердости и энергии и одновременно большого такта, человеком сердечным, отзывчивым и чрезвычайно простым и доступным как в деловых, так и в частных отношениях к людям. Замечательно, наконец, что при всей страстности, которую иногда принимало обсуждение кандидатов на избирательном съезде, никто не мог бросить и тени чего-либо компрометирующего на личность архиепископа Тихона».

Москва торжественно и радостно встретила своего избранника-архипастыря. Он скоро пришелся по душе москвичам – и светским, и духовным. Для всех у него находился равный прием и ласковое слово, никому не отказывал он в совете, в помощи, в благословении. Скоро оказалось, что владыка охотно принимает приглашения служить в приходских церквях, и вот церковные причты начинают наперебой приглашать его на служение в престольные праздники, и отказа никому не было. После службы архипастырь охотно заходил и в дома прихожан, к их великой радости. Вся Москва за короткое время узнала своего архиерея и полюбила его.

15 августа 1917 года в Москве открылся Поместный Собор, и архиепископ Московский Тихон был удостоен сана митрополита, а затем был избран председателем Собора.

Много мудрости и такта требовало от него руководство Собором. Надо было примирять и направлять в единое правильное русло на благо Церкви противоречащие друг другу взгляды его членов, разного рода течения соборных групп.

Собор ставил своей целью восстановить жизнь Русской Церкви на строго канонических началах, и первой большой и важной задачей, остро ставшей перед Собором, был вопрос о патриаршестве.

«Почему необходимо восстановить патриаршество? – спрашивал Собор в свой исчерпывающей, блестящей речи архимандрит, позднее архиепископ, Иларион. – Потому что патриаршество есть основной закон высшего управления каждой Поместной Церкви». Церковное законодательство в лице Апостольских правил совершенно недвусмысленно требует: «Епископам всякого народа – в том числе и русского, разумеется, – подобает знать первого из них и признавать его как главу. Вся Вселенская Христова Церковь до 1721 года не знала ни одной Поместной Церкви, управляемой коллегиально, без первоиерарха».

Избрание на патриарший престол – 5/18 ноября

На Соборе все тревожились о судьбе московских святых, подвергавшихся обстрелу во время революционных событий. И вот первым спешит в Кремль, как только доступ туда оказался возможным, митрополит Тихон во главе небольшой группы членов Собора. С каким волнением выслушал Собор живой доклад митрополита, только что вернувшегося из Кремля, как перед этим члены Собора волновались из опасения за его судьбу: некоторые из спутников митрополита вернулись с полпути и рассказали о том, что они видели, но все свидетельствовали, что митрополит шел совершенно спокойно и побывал везде, где было нужно. Высота его духа была тогда для всех очевидна.

Приступили к выборам патриарха. Решено было голосованием всех членов Собора избрать трех кандидатов, а затем предоставить воле Божией посредством жребия указать избранника. И вот, усердно помолвившись, члены Собора начинают длинными вереницами проходить перед урнами с именами намеченных кандидатов. Первое и второе голосование дало требуемое большинство архиепископам Харьковскому Антонию и Новгородскому Арсению и лишь на третьем определился митрополит Московский Тихон. Итак, свободным голосованием членов Собора, на патриарший престол были избраны три кандидата. «Самый

умный из русских архиереев – архиепископ Антоний, самый строгий – архиепископ Арсений и самый добрый – митрополит Тихон», – так выразился один из членов Собора.

Перед Владимирской иконой Божией Матери, принесенной из Успенского собора в храм Христа Спасителя, после торжественной литургии и молебна, 5 ноября схииеромонах Зосимовой пустыни Алексей, член Собора, благоговейно вынул из урны один из трех жребиев с именем кандидата, и митрополит Киевский Владимир провозгласил имя избранника – митрополита Тихона. С каким смирением, сознанием важности выпавшего жребия принял преосвященный Тихон известие о Божием избрании. Он не жаждал нетерпеливо этой вести, но и не тревожился страхом – его спокойное преклонение перед волей Божией было ясно видно для всех. Когда торжественная депутация членов Собора, во главе с высшим духовенством, явилась в церковь Троицкого подворья в Москве для «благовестия» о Божием избрании и для поздравления вновь избранного патриарха, преосвященный Тихон вышел из алтаря в архиерейской мантии и ровным голосом начал краткий молебен.

После молебна митрополит Владимир, обращаясь к новоизбранному, произнес: «Преосвященный митрополит Тихон, священный и великий Собор призывает твою святыню на патриаршество богоспасаемого града Москвы и всея России», на что митрополит Тихон отвечал: «Понеже священный и великий Собор судил меня, недостойного, быти в таком служении, благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю». Вслед за провозглашенным ему многолетием митрополит Тихон обратился к Соборному посольству с кратким словом.

«Возлюбленные о Христе отцы и братие. Сейчас я изрек по чиноположению слова: “Благодарю, и приемлю, и нимало вопреки глаголю”. Конечно, безмерно мое благодарение ко Господу за неизреченную ко мне милость Божию. Велика благодарность и к членам священного Всероссийского Собора за высокую честь избрания меня в число кандидатов на патриаршество. Но, рассуждая по человеку, могу много глаголать вопреки настоящему моему избранию. Ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: “Плач, и стон, и горе”, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (Иез.2:10,3:1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стон в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею, мне придется говорить ко Господу: Для чего Ты мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня (Чис.11:11-14). Отныне на меня возлагается попечение о всех церквях российских и предстоит умирание за них во вся дни. А сим кто доволен, даже из крепких мене? Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человека, по жребию Божию. Уповаю, что Господь, призвавший меня, Сам и поможет мне Своею всесильною благодатию нести бремя, возложенное на меня, и соделает его легким бременем. Утешением и ободрением служит для меня и то, что избрание мое совершается не без воли Пречистой Богородицы. Дважды Она пришествием Своей честной иконы Владимирской в храме Христа Спасителя присутствует при моем избрании: в настоящий раз самый жребий взят от чудотворного Ее образа. И я как бы становлюсь под

честным Ее омофором. Да прострет же Она, Многомощная, и мне, слабому, руку Своей помощи, и да избавит град сей и всю страну Российскую от всякия нужды и печали».

Время перед торжественным возведением на патриарший престол митрополит Тихон проводил в Троице-Сергиевой Лавре, готовясь к принятию высокого сана. Соборная комиссия спешно вырабатывала давно забытый на Руси порядок постановления патриархов. Добыли из богатой патриаршей ризницы облачения русских патриархов, жезл митрополита Петра, митру, мантию и белый куколь патриарха Никона.

Великое церковное торжество происходило в Успенском соборе 21 ноября 1917 года. Мощно гудел Иван Великий, кругом шумели толпы народа, наполнявшие не только Кремль, но и Красную площадь, куда были собраны крестные ходы из всех московских церквей. За литургией два первенствующие митрополита при пении «Аксиос» трижды возвели Божия избранника на патриарший трон, облачили его в подобающие его сану священные одежды.

Когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, святейший патриарх ответил исполненной глубины прозрения речью:

«Устроением Промышления Божия мое вхождение в сей соборный патриарший храм Пречистой Богоматери совпадает с всечестным праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы. Сотвори Захария вещь странну и всем удивительну, егда введе в самую внутреннюю скинию, во Святая Святых, сие же сотвори по таинственному Божиему научению. Дивно для всех и мое Божиим устроением нынешнее вступление на патриаршее место после того, как свыше 200 лет стояло пусто. Многие мужи, сильные словом и делом, свидетельствованные в вере, мужи, которых весь мир не был достоин, не получили, однако, осуществления своих чаяний о восстановлении патриаршества на Руси, не вошли в покой Господень, в обетованную землю, куда направлены были их святые помышления, ибо Бог презрел нечто лучшее о нас. Но да не впадем от сего, братие, в гордыню.

Один мыслитель, приветствуя мое недостойнство, писал: “Может быть, дарование нам патриаршества, которого не могли увидеть люди, более нас сильные и достойные, служит указанием проявления Божией милости именно к нашей немощи, к бедности духовной”. А по отношению ко мне самому дарованием патриаршества дается мне чувствовать, как много от меня требуется и как много для сего мне не достает. И от сознания сего священным трепетом объемлется ныне душа моя. Подобно Давиду, я и мал бе в братии моей, а братия мои прекрасны и велики, но Господь благоволил избрать меня. Кто же я, Господи, Господи, что Ты так воззвал и отличил меня? Ты знаешь раба Твоего, и что может сказать Тебе? И ныне благослови раба Твоего. Раб Твой среди народа Твоего, столь многочисленного – даруй же сердце разумное, дабы мудро руководить народом по пути спасения. Согрей сердце мое любовью к чадам Церкви Божией и расширь его, да не тесно будет им вмещаться во мне. Ведь архипастырское служение есть по преимуществу служение любви. Горохищное обрет овча, архипастырь подымлет е на рамена своя. Правда, патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и орудийной смертоносной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку Илии явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне на наши малодушные укоры: “Господи, сыны Российские оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, стреляли по храмовым и кремлевским святыням, избивали священников Твоих”, – слышится тихое веяние словес Твоих: “Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному”. И Господь как бы говорит мне так: “Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклятие, овец, поистине жалких. Паси их, и для сего возьми сей жезл благоволения, с ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби, паси их по правде”. В сем да поможет мне Сам

Пастыреначальник, молитвами Пресвятыя Богородицы и святителей Московских. Бог да благословит всех нас благодатию Своею. Аминь».

После литургии патриарх по древнему обычаю с крестным ходом обошел вокруг Кремля, окропляя его святой водой.

Рука Божия в деле возглавления Русской Церкви именно святейшим Тихоном в качестве патриарха не могла быть не усмотрена тогда же. Архиепископ Харьковский Антоний от лица всех епископов сказал новоизбранному: «Ваше избрание нужно назвать по преимуществу делом Божественного Промысла по той причине, что оно было бессознательно предсказано друзьями юности, товарищам вашими по академии. Подобно тому, как полтора года тому назад мальчики, учившиеся в Новгородской бурсе, дружески шутя над благочестием своего товарища Тимофея Соколова, кадили пред ним своими лаптями, а затем их внуки совершили уже настоящее каждение пред нетленными мощами его, то есть, Вашего небесного покровителя – Тихона Задонского, – так и Ваши собственные товарищи по академии прозвали Вас "патриархом", когда Вы были еще мирянином и когда ни они, ни Вы сами не могли и помышлять о действительном осуществлении такого наименования, данного Вам друзьями молодости за ваш степенный, невозмутимо солидный нрав и благочестивое настроение».

Интересна встреча будущего патриарха с Иоанном Кронштадтским в 1908 г. в Петербурге. Старый уже и больной о. Иоанн, вопреки этикету, первый закончил беседу следующими словами: «Теперь, Владыко, садись на мое место, а я пойду отдохну». Эти слова многими истолковывались так, что о. Иоанн как бы назначил архиепископа Тихона своим преемником в качестве религиозного вождя русского народа и предрек ему патриаршество.

Вступление святейшего Тихона на патриарший престол свершилось в самый разгар революции. Государство не просто отделилось от Церкви – оно восстало против Бога и Его Церкви. Когда во время приезда патриарха Тихона в 1918 г. в Петроград сотрудник одной из петроградских газет спросил, что доносится ему со всех концов России, святейший после некоторого раздумья ответил: «Вопли». Что было делать в такой ситуации патриарху? Требовалось найти единственно верное решение, отвечающее неповторимой, совершенно новой внешней обстановке. В чем же была единственная задача Церкви? Остаться Церковью: претерпевая удары, унижения, преследования, не отвечая на них ничем иным, как только твердым стоянием в истине. Государство безбожно? Пусть! Церковь в своей принципиальной отделенности от него остается Православной. Так начинается борьба, существо которой не укладывается ни в какие привычные понятия, борьба, которая выражается только в стойкости несения креста. Патриарх все готов был простить в отношении себя – лишь бы нетронутой была Церковь, лишь бы была обеспечена ее внутренняя независимость. Надо было острие развернувшейся борьбы притупить, надо было найти общий язык с властями, чтобы сохранить церковный корабль от потопления. Здесь требовалось много мудрости и терпения. Как непередаваемо и неповторимо то чувство, которое испытывала Россия в отношении своего патриарха. В нем, как в фокусе, сосредоточилось само бытие Церкви. Став предстоятелем Церкви, патриарх Тихон не изменился – остался таким же доступным, ласковым человеком для простых людей. Близкие к нему лица советовали по возможности уклоняться от утомительных служений, но святейший служил часто. Только в первый год своего первосвятительства им совершено 196 служб – следовательно, патриарх совершал служение через день, а иногда и каждый день. Везде его узнавали, везде полюбили и потом стояли за него горой, когда пришла нужда его защищать.

Святейший патриарх Тихон для православных людей – не только носитель высшей церковной власти. Он дорог им и как человек, достигший высокой степени совершенства, как бы благодатный носитель Духа Божия, дающего слово мудрости и рассуждения.

Своей жизнью он явил редкий нравственный облик христианина-монаха, отличаясь глубокой религиозной настроенностью, духом целомудрия, смиренномудрия, терпения и

любви. Святейший Тихон – воистину благодатная личность, жившая для Бога и Богом просветленная.

«Не напрасно носил он титул святейшего. Это была действительно святость, величавая в своей простоте и простая в своем исключительном величии», – вспоминало о патриархе русское духовенство. «От святейшего уходишь духовно умытым», – говорили посещавшие его.

Великая любовь ко Христу, к Его Церкви и к людям проходила светлой полосой через всю жизнь и деятельность святейшего патриарха Тихона. «Он был олицетворением кротости, доброты и сердечности», – кратко и верно охарактеризовал святейшего епископ Августин (Беляев). «Он любил вас всей силой великой души. Он душу полагал за вас...» – говорил другой архиерей бесчисленным тысячам православного русского народа, собравшимся ко гробу своего дорогого первосвятителя. «Молитвенник народный, старец всея Руси», – называли патриарха пасомые.

Его необыкновенная чуткость и отзывчивость проявлялись и в его широкой благотворительности, в щедрой помощи всем неимущим и обездоленным. Редкую заботу святейшего Тихона не могли отрицать даже его враги и часто бывали обезоружены ею. «Подите к патриарху, попросите у него денег, и он вам отдаст все, что у него есть, несмотря на то, что ему, патриарху, в его возрасте, измученному после богослужения, придется идти пешком, что и было недавно», – свидетельствовал даже один из зачинщиков церковной смуты.

Все соприкасавшиеся со святейшим Тихоном поражались его удивительной доступности, простоте и скромности. Многие нечуткие и недалёковидные люди не понимали его, злоупотребляли этими сторонами его души, готовы были видеть в нем «просто симпатичного человека», а между тем здесь-то и проявляется истинная святость. Широкою доступность святейшего несколько не ограничивал его высокий сан. Двери его дома всегда были для всех открыты, как открыто было каждому его сердце – отзывчивое, любвеобильное. Будучи необыкновенно простым и скромным как в личной жизни, так и в своем первосвятительском служении, святейший патриарх и не терпел, и не делал ничего внешнего, показного. Он явил собой пример великого благородства. Безропотно нес он свой тяжелый крест. Он никогда не пытался выделить себя, не старался как-либо непременно настоять на своем, исполнить во что бы то ни стало свою волю. Он был полон неподдельного, глубокого смирения и всецело отдавал себя в волю Божию, благую и совершенную. Он стремился одну ее искать и исполнять, что неизбежно заставляло его отказываться от своей человеческой воли. В последнем случае он мог давать повод своим врагам обвинять его в безволии. Но он смотрел на жизнь не по-мирскому, а по разуму Божию, проявляя здесь свою истинную мудрость.

Это и отличало его всегда как человека и архиерея. Этим он производил впечатление такой души, в которой живет и действует Христос. И свою паству звал к тому же святейший Тихон. Одно из своих патриарших воззваний он закончил словами: «Господь да умудрит каждого из вас искать не своего, но правды Божией и блага Святой Церкви!»

Но мягкость в обращении патриарха Тихона не мешала ему быть непреклонно твердым в делах церковных, особенно в защите Церкви от ее врагов.

Истинная добродетель всегда скрыта, и видят ее лишь люди чуткие. Многих великих святых их современники не замечали.

Огромные задачи стали перед святейшим Тихоном. Ему была вверена многомиллионная, необозримая по территории Русская Православная Церковь со всеми ее духовным и материальными ценностями. Вот почему в сознании своей великой ответственности он всегда, по завету Христа, Божье отдавал только Богу.

Патриарх не уклонялся и от прямых обличений, направленных против гонений на Церковь, против террора и жестокости, против отдельных безумцев, которым он провозглашает даже анафему в надежде разбудить этим грозным словом их совесть. Каждое послание патриарха Тихона, можно сказать, дышит упованием на то, что и в среде

богоборцев возможно еще покаяние – и к ним обращает он слова обличения и увещания. Описывая в послании от 19 января 1918 года гонения, воздвигнутые на истину Христову, и зверские избиения ни в чем неповинных людей без всякого суда, с попранием всякого права и законности, патриарх говорил: «Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения. Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей, загробной, и страшному проклятию потомства в жизни настоящей, земной».

И в послании патриарха Тихона Совету Народных Комиссаров по случаю первой годовщины Октябрьской революции говорится: «Захватывая власть и призывая народ довериться вам, какие обещания давали вы ему и как исполнили эти обещания? Поистине, вы дали ему камень вместо хлеба и змею вместо рыбы (Мф.4:9-10). Отечество вы подменили бездушным интернационалом... Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и вместо мира искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян доставить торжество призрак мировой революции... Никто не чувствует себя в безопасности, все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Вы обещали свободу... Особенно больно жестокое нарушение свободы в делах веры, в органах печати злобные богохульства и кощунства... Вы наложили свою руку на церковное достояние, собранное поколениями верующих... Вы закрыли ряд монастырей и домовых церквей... Вы заградили доступ в Московский Кремль – это священное достояние всего верующего народа. Вы разрушаете исконную форму церковной общины – прихода... разгоняете церковные епархиальные собрания, вмешиваетесь во внутреннее управление Православной Церкви... Мы знаем, что наши обличения вызовут в вас только злобу и негодование и что вы будете искать в них лишь повода для обвинения нас в противлении власти; но чем выше будет подниматься столп злобы вашей, тем вернейшим будет то свидетельством справедливости наших обвинений... Отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры... А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк.11:51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф.26:52)».

Неизмеримо тяжел был его крест. Руководить Церковью ему пришлось среди всеобщей церковной разрухи, без вспомогательных органов управления, в обстановке внутренних расколов и потрясений, вызванных всевозможными «живоцерковниками», «обновленцами», «автокефалистами». «Тяжелое время переживает наша Церковь», – писал в июле 1923 года святейший.

Сам же святейший Тихон был настолько скромно и чужд внешнего блеска, что очень многие при его избрании патриархом сомневались, справится ли он со своими великими задачами. Но теперь, видя необыкновенно плодотворные результаты его подвижнической деятельности, можно справедливо сказать о святейшем: все, что мог, он уже совершил, всецело оправдав те надежды, какие возложила на него Церковь!

Своей мягкостью, кротостью, снисходительностью, своим тихим и любвеобильным отношением к людям святейший патриарх умел всех примирить, успокоить. Умел победить своим незлобием все враждебное Церкви и внутри и вне ее. Своим исключительно высоким нравственным и церковным авторитетом он собрал воедино расплывшиеся и обескровленные церковные силы. В период церковного безвременья его незапятнанное имя было светлым маяком, указавшим путь к истине православия. Своими посланиями он звал народ к исполнению заповедей Христовой веры, к духовному возрождению через покаяние. А его безукоризненная жизнь была примером для всех. Нельзя без волнения читать призыв к покаянию патриарха, обращенный им к народу перед Успенским постом.

«Еще продолжается на Руси эта страшная и томительная ночь, и не видно в ней радостного рассвета... Где же причина?.. Возпросите вашу православную совесть... Грех – вот корень болезни... Грех растлил нашу землю... Грех, тяжкий, нераскаянный грех вызвал сатану из бездны... О, кто даст очам нашим источники слез!.. Где ты, некогда могучий и державный русский народ?.. Неужели ты не возродишься духовно?.. Неужели Господь навсегда закрыл для тебя источники жизни, погасил твои творческие силы, чтобы посечь тебя, как бесплодную смоковницу? О, да не будет сего! Плачьте же, дорогие братья и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах вашего отечества, пока оно не погубило да конца. Плачьте о самих себе и тех, кто по ожесточению сердца не имеет благодати слез».

Неоднократно устраивались грандиозные крестные ходы для поддержания в народе религиозного чувства, и патриарх неизменно в них участвовал. А когда была получена весть об убийстве царской семьи, то патриарх на заседании Собора отслужил панихиду, а затем служил и заупокойную литургию, сказав грозную обличительную речь, в которой говорил, что как бы ни судить политику государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем не оправданным преступлением. «Недостаточно только думать это, – добавил патриарх, – не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Часто выезжал патриарх и в московские церкви, и вне Москвы, куда его приглашали. Выезжал он либо в карете, пока было можно, либо в открытом экипаже, а перед ним обычно ехал иподиакон в стихаре с высоким крестом в руках. Народ благоговейно останавливался и снимал шапки. Патриарх ездил в Богородск, промышленный город Московской губернии, а позже в Ярославль и в Петроград.

В Богородске рабочие устроили для его встречи красиво убранный павильон, переполняли все улицы во время его проезда. В Ярославле сами комиссары принимали участие во встрече, обедали с патриархом, снимались с ним. О поездках патриарха в Петроград хорошо известно: это был целый триумф. Железнодорожные рабочие настояли, чтобы ему был дан особый вагон, и по пути встречали его на остановках. Религиозное чувство сказалось в русском человеке, он сердцем почувал в патриархе «своего», любящего, преданного ему всей душой.

В многострадальной жизни святейшего патриарха пребывание его в Петрограде, может быть, было самым радостным событием. Поездка эта состоялась в конце мая 1918 года. В Москву от Петроградской епархии поехал за ним настоятель Казанского собора протоиерей отец Философ Орнатский, который принял потом мученическую кончину. Навстречу патриарху за границу епархии выехал викарный преосвященный Артемий Лужский, а на вокзале ожидало многочисленное духовенство во главе с митрополитом Вениамином, также впоследствии отдавшим жизнь свою во славу Церкви Христовой. От вокзала до Александро-Невской Лавры по Старо-Невскому проспекту были выстроены крестные ходы и депутации от приходо́в. С 6 часов утра начал собираться народ и к приходу поезда переполнил всю Знаменскую площадь, Лиговку и все прилегающие улицы. Звон колоколов всех церквей Петрограда возвещал моменты переезда границы губернии, приближения к городу и выход патриарха из вокзала. Нельзя описать волнения толпы, когда показался экипаж, в котором патриарх был вместе с митрополитом Вениамином. Все бросались к экипажу, плакали, становились на колени. Патриарх, благословляя всех, стоял в коляске до самой Лавры. Здесь его ожидали викарии епархии преосвященные Геннадий Нарвский, Анастасий Ямбургский и Мелхиседек Ладожский, около 200 священников и более 60 диаконов в облачениях. После молебна в переполненном соборе патриарх сказал речь о стоянии за веру до смерти.

Дни пребывания патриарха в Петрограде были днями настоящего всеобщего ликования; даже на улицах чувствовалось необычайное оживление. Святейший жил в Троице-Сергиевом подворье на Фонтанке. Самыми торжественными моментами были его службы в соборах Исаакиевском, Казанском и в Лаврском. В Исаакиевском соборе при встрече

патриарха пел хор из 60 диаконов в облачениях, так как соборный хор пришлось распустить из-за отсутствия средств. Сослужили патриарху митрополит, три викария, 13 протоиереев и 10 протодиаконов. На праздник Вознесения в Казанском соборе после литургии был крестный ход вокруг собора. Вся Казанская площадь и Невский проспект, и Екатерининский канал представляли из себя море голов, среди которого терялась тонкая золотая лента духовенства. В этот день были именины отца Ф. Орнатского, и патриарх прямо из собора пошел к нему. Толпа не расходилась до 4 часов, и святейший много раз выходил в сопровождении именинника на балкон, чтобы благословить всех. На последней торжественной службе в Лавре был хиротонисан во епископа Охтинского единоверческий архимандрит Симон, принявший потом мученическую кончину. Святейший ездил в Иоанновский монастырь на Карповке и служил панихиду на могиле отца Иоанна Кронштадтского. Он посетил также и Кронштадт.

В церковном служении патриарх Тихон соблюдал ту же простоту, какой он отличался в частной жизни: не было у него грубости, тех громких окриков и суетливости, какими иногда сопровождается торжественная служба. Если нужно было сделать какое-либо распоряжение, они давались тихо и вежливо, а замечания делались исключительно после службы, и всегда в самом мягком тоне. Да их и не приходилось делать: служащие проникались тихим молитвенным настроением патриарха, и каждый старался сделать свое дело как можно лучше. Торжественное служение патриарха со множеством архиереев и клириков, многолюдные крестные ходы всегда совершались чинно, в полном порядке, с религиозным подъемом.

Жил патриарх в прежнем помещении московских архиереев, в Троицком подворье Сергиевской Лавры, «у Троицы на Самотеке». Этот скромный, хотя и просторный, дом имел Крестовую церковь, где монахи Сергиевской Лавры ежедневно совершали положенное по уставу богослужение. Рядом с алтарем помещалась небольшая моленная, уставленная иконами; в ней патриарх и молился во время богослужения, когда не служил сам. Но служить он любил и часто служил в своей Крестовой церкви. Дом был окружен небольшим садиком, где патриарх любил гулять, как только позволяли дела. Здесь часто к нему присоединялись и гости, и близко знакомые посетители, с которыми велась приятная, душевная беседа, иногда до позднего часа. Садик уютный, плотно отделенный от соседних дворов, но детишки-соседи взбирались иногда на высокий забор, и тогда патриарх ласково оделял их яблоками, конфетами.

Стол патриарха был очень скромный: черный хлеб подавался по порциям, часто с соломой, картофель без масла. Но и прежде преосвященный Тихон был совсем невзыскателен к столу, любил больше простую пищу, особенно русские щи да кашу.

Начались трудные времена для Церкви: отбиралось церковное имущество, имели место преследования и массовое истребление духовенства. Со всех концов России приходили к патриарху известия об этом.

Для спасения тысяч жизней и улучшения общего положения Церкви патриарх принял меры к ограждению священнослужителей от чисто политических выступлений. 25 сентября 1919 года в разгар уже гражданской войны он издает послание с требованием к духовенству не вступать в политическую борьбу.

Отсутствие враждебности к существующей государственной власти и призыв к гражданской лояльности стали свойственны посланиям патриарха задолго до того, как стало ясно, что большевики победят в гражданской войне. Осенью 1919 года, 30 сентября, белые войска взяли Орел. Многие уже ждали их прихода в Москву. В это время исход борьбы было трудно предугадать. Но именно тогда появляется воззвание патриарха Тихона, обращенное к русскому духовенству. Вот его слова: «Памятуйте же, архипастыри и отцы, и канонические правила, и заветы святых апостолов: “Блюдите себя от творящих распри и раздоры”. Уклоняйтесь от участия в политических партиях и выступлениях, повинуйтесь вашему человеческому начальству в делах внешних (1Пет.2:14), не подавайте никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти, подчиняйтесь ее велениям,

поскольку они не противоречат вере и благочестию, ибо Богу, по апостольскому наставлению, должны повиноваться более, чем людям». Таким образом, патриарх Тихон в этот решающий момент войны выразил верность принципу невмешательства Церкви в политическую борьбу при сохранении своей внутренней свободы.

Патриарх искренно и прежде всего сам отрекся от всякой политики. Когда отъезжающие в добровольческую армию просили тайного благословения вождям белого движения, патриарх твердо заявил, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику.

На основании циркуляра Комиссариата юстиции от 25 августа 1920 года власти на местах «проводили полную ликвидацию мощей». Такие действия еще ранее в обращении святейшего патриарха в Совнарком были квалифицированы как нарушение Декрета об отделении Церкви от государства.

Летом 1921 года разразился голод в Поволжье. В августе патриарх Тихон обратился с посланием о помощи голодающим, направленным ко всем русским людям и народам вселенной, и благословил добровольные пожертвования церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления, рекомендуя контроль верующих над их использованием. Однако позднее по постановлению ВЦИК от 23 февраля 1922 года изъятию подлежали все драгоценные предметы. Таким образом, речь шла об изъятии предметов, имеющих сакральный характер в Православной Церкви, что по церковным канонам рассматривается как святотатство (73-е Апостольское правило). Естественно, патриарх не мог одобрять такого полного изъятия, тем более, что у многих возникли сомнения в том, что все ценности пойдут на борьбу с голодом. На местах насильственное изъятие вызвало повсеместное народное возмущение. Произошло до двух тысяч процессов по России и расстреляно было до десяти тысяч верующих, в связи с этим расстрелян был и Петроградский митрополит Вениамин, как было уже сказано. Послание патриарха было расценено как саботаж. И в связи с этим он находится в заключении с апреля 1922 года по июнь 1923 года.

По делу над группой московских священников об изъятии церковных ценностей самого патриарха неоднократно вызывали на суд в качестве главного свидетеля. Вот описание очевидца допроса патриарха и поведения обвиняемых и слушателей.

«Когда в дверях зала показалась величавая фигура в черном облачении, сопровождаемая двумя конвойными, все невольно встали... все головы низко склонились в глубоком почтительном поклоне. Святейший патриарх спокойно-величаво осенил крестом подсудимых и, повернувшись к судьям, прямой, величественно-строгий, опершись на посох, стал ждать допроса.

“Вы приказывали читать всенародно Ваше воззвание, призывая народ к неповиновению властям?” – спросил председатель.

Спокойно отвечает патриарх: “Власти хорошо знают, что в моем воззвании нет призыва к сопротивлению властям, а лишь призыв сохранить свои святыни и во имя сохранения их просить власть дозволить уплатить деньгами их стоимость и, оказав тем помощь голодным братьям, сохранить у себя свои святыни”.

“А вот этот призыв будет стоить жизни Вашим покорным рабам?”, – и председатель указал на скамьи подсудимых.

Благостно-любящим взором окинул старец служителей алтаря и ясно и твердо сказал: “Я всегда говорил и продолжаю говорить как следственной власти, так и всему народу, что во всем виноват я один, а это лишь моя Христова армия, послушно исполняющая веления ей Богом посланного главы. Но если нужна искупительная жертва, нужна смерть невинных овец стада Христова”, – тут голос патриарха возвысился, стал слышен во всех углах громадного зала, и сам он как будто вырос, когда, обращаясь к подсудимым, поднял руку и благословил их, громко, отчетливо произнося: “Благословляю верных рабов Господа

Иисуса Христа на муки и смерть за Него”. Подсудимые опустили на колени... Допрос патриарха был окончен... Заседание в этот вечер более не продолжалось».

Благодатная сила благословения святейшего видна из последующих событий.

На рассвете 25 апреля 1922 года был вынесен приговор: 18 человек – к расстрелу, остальные – к различным срокам каторги. На предложение председателя просить высшую власть о помиловании было отвечено горячей речью протоиерея Заозерского и отказом от лица всех приговоренных... Только вздох пронесся по залу при объявлении приговора. Ни стоны... ни плача... Приносилась великая искупительная жертва за грехи русского народа, и безмолвно разошелся народ. Было уже светло, солнце всходило, когда раскрылись тяжелые двери суда и приговоренные смертники, окруженные лесом штыков, показались на площади... Шли с непокрытыми головами, со скрещенными на груди руками, со взором, поднятым высоко к небу, туда, где ждет их Благодатный Искупитель мира, где все прощено, все забыто, где нет ни страданий, ни зла... И громко-ликующе лилась их песнь: «Христос воскрес из мертвых...»

На долю патриарха Тихона выпало возглавление Русской Православной Церкви во время ее перехода к новой, самостоятельной жизни в условиях нового государственного строя. Этот переход, сопровождавшийся открытым столкновением двух противоположных мировоззрений (религиозного и атеистического), был крайне тяжелым и болезненным. И если бы не всё умиротворяющие, свойственные душе святейшего, кротость, добродушие и мудрость, он, конечно, был бы еще острее.

Патриарх рассказывал, что, читая в заключении газеты, он с каждым днем все более скорбел о том, что обновленцы захватывают Церковь в свои руки.

И вот самозванное обновленческое церковное управление созывает в мае 1923 года «Второй Поместный Собор Русской Церкви». Этот «Собор» лишил патриарха Тихона патриаршего сана и монашества, разрешил второбрачие священнослужителям, а также священнослужение женатым на вдовах или разведенных, ввел в жизнь брачный епископат.

Один из бывших на этом «Соборе» молодых епископов – Иоасаф (Шишковский-Дрылевский) впоследствии рассказывал, как произошел акт лишения патриарха сана. Главари «Собора» Красницкий и Введенский собрали для совещания присутствующих на «Соборе» епископов, и когда начались многочисленные возражения против предложенной резолюции о низложении патриарха, Красницкий совершенно открыто заявил: «Кто сейчас же не подпишет этой резолюции, не выйдет из этой комнаты никуда, кроме как прямо в тюрьму». Терроризированные епископы (в том числе и сам Иоасаф) не нашли в себе мужества устоять перед перспективой нового тюремного заключения и подписали, хотя, по словам епископа Иоасафа, в душе почти все были против этой резолюции. 11 июня 1923 года в печати вышла «Инструкция о порядке регистрации религиозных обществ и выдаче разрешений на созыв съездов таковых». В этой Инструкции имелся следующий пункт: «Религиозные общества, не зарегистрировавшиеся в законном порядке в трехмесячный срок со дня опубликования Инструкции в “Известиях ВЦИК”, считаются закрытыми». Этот пункт постановления правительства в глазах обновленцев должен был совершенно покончить с остатками «тихоновщины», так как органы власти категорически отказывались

регистрировать какие-либо православные общины, не находящиеся в общении с самозванным Высшим Церковным Управлением.

Но Бог судил иначе: 27 июня 1923 года в «Правде» и в «Известиях» было совершенно неожиданно опубликовано «Постановление Верховного Суда об освобождении гражданина Беллавина из-под стражи». Патриарх подписал заявление Верховному трибуналу с признанием всех возведенных на него в обвинительном акте обвинений, «с покаянием в них и с отречением от сочувствия монархическим идеям», завершавшееся указанием, что он отныне «не враг Советской власти». «Конечно, – писал патриарх, – я не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, каким объявили себя церковные обновленцы, но уж и не такой контрреволюционер, каким представляет меня Собор... Я решительно осуждаю всякое посягательство на Советскую власть, откуда бы оно не исходило». По каким психологическим мотивам и в каких условиях подписал патриарх Тихон это заявление, он, насколько известно, никогда и никому не говорил, но никогда и не отрицал, что подписал его, не раз разъясняя буквально следующее: «Я написал, что отныне не враг Советской власти, но я не написал, что я друг...» Тем, кто не понимал его поступка и соблазнился им, он говорил: «Пусть погибнет мое имя в истории, только б Церкви была польза». Англиканскому епископу Бюри, который также просил объяснений, патриарх напомнил слова апостола Павла: Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а остаться во плоти нужнее для вас (Флп.1:23-24). Он добавил, что лично с радостью принял бы мученическую смерть, но судьба остающейся Православной Церкви лежит на его ответственности.

Но еще за несколько лет до ареста патриарх ясно заявил в воззвании от 25 сентября 1919 года: «Установление той или иной формы правления – не дело Церкви, а самого народа. Церковь не связывает себя ни с каким образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение».

Вот почему, обличая нападки обновленцев «о контрреволюционности» православных, святейший имел право сказать: «И мы, и наша паства верны и Церкви Божией, и родному православию, и нашему правительству, и только враги Церкви, сеющие смуту и вражду, могут утверждать иное».

Одной из постоянных забот святейшего патриарха было выхлопотать для Русской Православной Церкви регистрацию, а вместе с нею и возможность легального существования в пределах Союза ССР. Как писал об этом позднее митрополит Сергей: «Отсутствие регистрации для наших церковно-правительственных органов создает много практических неудобств, придавая всей нашей деятельности характер какой-то нелегальности, хотя мы и не совершаем ничего, запрещенного законом республики, что, в свою очередь, порождает много всяких недоразумений и подозрений».

Властям казалось, что главная притягательная сила патриарха для русского народа заключалась не в церковной области, а в политической, в том, что он был его идейным вдохновителем. Поэтому они были убеждены, что после публичного отречения от враждебного отношения к Советской власти все противники ее, а таковыми были, по утверждению большевиков, все искренне верующие люди, увидят в заявления патриарха измену их идеалам и решительно отвернуться от него, и патриарх, выйдя из заключения, не сможет найти себе среди верующих и духовенства сколь-нибудь значительного количества приверженцев. В церковном же отношении всякая притягательная сила патриарха, по расчетам властей, была уничтожена авторитетом «Собора» 1923 года. В полной уверенности, что теперь патриарх и политически, и церковно умер для народа, власти объявили ему, что он свободен в области церковной жизни предпринимать, что сочтет нужным. Однако Советская власть, как безбожная, не учла одного и решительного фактора в церковной жизни – того, что Дух Божий правит Церковью. Случилось совсем не то, что ожидалось по чисто человеческим расчетам.

«Покаянное» заявление патриарха, напечатанное в советских газетах, не произвело на верующий народ ни малейшего впечатления. «Собор» же 1923 года не имел для него

никакого авторитета; плохо разбираясь в канонических тонкостях, простой народ, однако, интуитивно почувствовал всю фальшь его постановлений. Подавляющая масса православных людей открыто приняла освобожденного патриарха как своего единственного законного главу, и патриарх предстал пред глазами властей в полном ореоле фактического духовного вождя верующих народных масс. То не была популярность, слава, обаяние личности. То не было и благоговение перед святостью и преклонение перед силой чудотворения, которыми окружена была личность о. Иоанна Кронштадтского, при всей видимой схожести встречи народом того и другого. Патриарх являл народу своей личностью радость сознания себя в Церкви! Отсюда ликование при непосредственном лицезрении его, принимавшее формы стихийного торжества чисто пасхальной настроенности. Отсюда тихая радость одного лишь сознания, что он есть.

Выход на свободу святейшего принес огромную пользу Церкви, восстановив и утвердив в ней законное церковное управление.

Об обновленцах патриарх говорил в своих двух воззваниях.

В первом из них, 28 июня 1923 года, он указывает на всю неканоничность, несостоятельность обновленческого «Собора», на котором, между прочим, из 67 присутствовавших архиереев было только 10-15 % законного посвящения, а все остальные – лжеепископы.

Во втором, первоиюльском, своем обращении патриарх говорит, в частности, о значении «практических мероприятий» обновленцев. «Обновленцы бессознательно или сознательно толкают Православную Церковь к сектантству, отступая от ее канонов».

Полностью же история, сущность и оценка обновленческого раскола и выводы, обязательные для всех членов Церкви, изложены святейшим патриархом Тихоном в его основном послании 15 июля. Это воззвание, прозвучавшее, как величественный благовест, по всей России, открыло собой полосу покаяния многих обновленцев. Кончается оно призывом святейшего к отклонившимся от церковного единства... «Умоляем сознать свой грех, очистить себя покаянием и возвратиться в спасающее лоно Единой Вселенской Церкви!»

Стремясь не на словах только к истинному церковному миру, святейший патриарх поручил состоявшемуся при нем архиерейскому Синоду вести переговоры с главенствующими обновленцами о присоединении их к Православной Церкви.

Толпами шли обновленческие священники и архиереи на путь покаяния перед Церковью и ничего они не встречали у святейшего, кроме безграничной ласки и все покрывающей, подчас совсем незаслуженной любви. «Он имел особенную широту взглядов, способен был понять каждого и всех простить», – вспоминал о святейшем Тихоне митрополит Сергей.

Но это не было уклонением от строго православной линии. Наоборот. «Прошу верить, что я не пойду на соглашения и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия», – твердо и авторитетно сказал патриарх (из его резолюции о примирении с Красницким на адресе Елизаветградского духовенства 26 июня 1924 года, за № 523).

Вот почему 5 апреля 1924 года (за № 291) он издал новое, краткое, но содержательное послание, обличающее тяжкие преступления вождей обновленческого раскола. В этом послании святейший патриарх на основании церковных канонов и от имени единомысленной с ним Российской Православной Церкви подвергнул обновленцев каноническому запрещению и подтвердил, что они, впредь до раскаяния, находятся вне общения с Церковью.

Но разнообразнейшие враги Православной Церкви ненавидели ее главу, святейшего Тихона. Он был истинным избранником Божиим, и на нем оправдались слова Христа: Поносят вам и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради (Мф.5:11).

Мало того – враги Церкви покушались на жизнь святейшего патриарха. 26 ноября 1924 года несколько преступников ворвались в комнаты патриарха и убили первым вышедшего на шум его келейника Я.О. Полозова.

К чести для верующих, истина православия восторжествовала, и святейший Тихон мог писать Константинопольскому патриарху: «Весь русский православный народ сказал свое правдивое слово как о нечестивом сборище, дерзко именуящим себя собором 1923 года, так о нечестивых вождях обновленческого раскола... Верующие не со схизматиками (раскольниками), а со своим законным и православным патриархом».

Русский православный народ глубоко ценил и понимал, кем был святейший патриарх для Церкви, и горячо любил своего великого духовного отца. Близок русскому сердцу он и потому, что этот первосвятитель был истинно русским человеком, воплотившим в себе лучшие стороны своего народа, от внешнего облика до внутренних черт характера.

«Очень многие, – говорил один архиерей, – выражали близость к патриарху, воспринимая его как благодатного старца. Это знаменательно – близость высокого архипастыря! Нам надо помнить, светильником какого света он является, и быть такими же тихими, кроткими, молитвенными, непосредственными в обращении к Господу, чтобы его любовь к Нему сообщалась и нам, и чтобы у нас была близость и к нему, и к Богу».

Будучи сам добрым пастырем, отдавшим всего себя на дело Церкви, он к тому же призывал и духовенство. «Посвящайте все свои силы на проповедь слова Божия, истины Христовой, особенно в наши дни, когда неверие и безбожие дерзновенно ополчились на Церковь Христову. И Бог мира и любви будет со всеми вами» (Обращение к архипастырям и пастырям 1919 года).

Он старался ставить достойных служителей алтаря и в общении с духовенством одобрял его. Последнему епископу, поставленному святейшим Тихоном, он сказал в своем приветственном слове: «Архиерейство – великая честь, но с ним связаны великие страдания. Через страдания же – к небесной славе!» (воскресенье, 23 мая ст. ст. 1925 года).

В проповеди о патриархе архиепископ Трифон (Туркестанов) вспоминал, как он, усталый, упавший духом, пришел к святейшему, а тот указал ему на архиерейскую панагию с изображением Богоматери. «Ей оружие пройде душу, и Она не предалась мрачному отчаянию, и мы должны по Ее примеру терпеливо понести свой жизненный крест» (из проповеди архиепископа Трифона 25 декабря 1925 года).

«Мы все приходили к тебе при жизни за утешением и назиданием, – говорил позднее другой архиерей, – и всегда встречали у тебя ласку и привет» (из проповеди архиепископа Августина на Пасху 1925 года).

Святейший патриарх Тихон жил радостями Церкви и болел, страдая ее скорбями. Он верил в духовное, истинное обновление Русской Церкви. Не мог патриарх не видеть и многих уродливых явлений в жизни нашего общества: безверия, нравственной распущенности. Это нашло свое отражение в его воззваниях к Русской Церкви. В них и горячий протест против глубокого материалистического понимания жизни, и так присущее душе святейшего чувство глубокого смирения, сознания человеческой неправды пред Божественной истиной.

«Ныне нужно дерзновение веры, – писал патриарх, – беспрестанное ее исповедание. Да возгорится пламя светоча вдохновения в Церкви Русской, да соберутся силы, расточенные в безвременьи. Пусть верные чада в союзе любви соединятся с архипастырями и пастырями своими и вместе являют служение в духе и силе» (18 декабря 1917 года).

«Очистим же сердца наши покаянием и молитвою», – звал святейший патриарх.

Устроение самой церковной жизни святейший Тихон должен был осуществить в духе постановлений Священного Собора 1917 года, много работавшего над преобразованием различных сторон церковной жизни. Однако большинство этих реформ не было принято или вследствие преждевременного прекращения деятельности Собора по условиям того времени, или как не привившихся в церковном сознании.

Святейший Тихон на всех ступенях своей жизни и деятельности всегда протягивал народу руку помощи, всегда говорил ему доброе слово, всегда шел навстречу в его бедствиях.

И народ это понимал и жалел его искренне и глубоко, получив полное убеждение в его святости. Это мужественное и кротчайшее существо. Это исключительная, безукоризненно святая личность. На вопрос одного человека к епископу, как он относится к патриарху, он отвечал: «Я реально ощутил его святость».

В период кровавых междоусобиц, полных ужаса и стремлений, которые «не могут не производить гнетущего впечатления на сердца каждого христианина» (Послание 1919 года), он многократно обращался к верующим с церковной кафедры со святыми словами пастырского назидания о прекращении распри и раздоров. Когда вспыхнул голод в Поволжье, патриарх организовал Комитет помощи голодающим, его открытие 1 августа 1921 года ознаменовалось патриаршим богослужением в храме Христа Спасителя при огромном стечении духовенства и народа. После торжественного молебствия было прочитано патриаршее воззвание о помощи голодающим, обращенное к православной России и ко всем народам земли. Комитет, возглавляемый патриархом, собрал большие средства и сделал очень много для голодающих.

Ни один воскресный или праздничный день не проходил, чтобы святейший не служил в московских храмах или окрестностях Москвы. По-прежнему храмы эти даже в будние дни во время служения бывали переполнены. В уездных городах Московской губернии стечение народа бывало огромное, встреча и проводы патриарха очень торжественные. Рабочие везде покидали работу, и все светские и промышленные учреждения не работали в течение всего пребывания патриарха в городах.

После заключения патриарх проживал не в Троицком подворье, а в Донском монастыре, к нему со всех концов России приезжали разные лица, и в его приемной можно было увидеть епископов, священников и мирян: одни приезжали по делам церковным, другие – за получением патриаршего благословения и за утешением в горе. Доступ к нему был свободным, и келейник его лишь спрашивал посетителей о цели прихода. Патриарх помещался в трех комнатах, первая из коих в указанные часы служила приемной. Обстановка патриарших покоев поражала своей простотой, а беседа с ним, по словам видевших его, производила сильное впечатление. Святейший находил всегда несколько слов для каждого, даже приходящего только за благословением. Приезжих подробно расспрашивал о положении Православной Церкви в провинции.

Московский корреспондент парижской газеты «Энформацион» так описывает свои впечатления о святейшем и о приеме у него. «Спокойный, умный, ласковый, широко сострадательный, очень просто одетый, без всякой роскоши, без различия принимающий всех посетителей. Патриарх лишен, может быть пышности, но он действительно чрезвычайно дорог тысячам малых людей, рабочих и крестьян, которые приходят его видеть. В нем под образом слабости угадывается крепкая воля, энергия для всех испытаний, вера непоколебимая... Постоянные изъявления сочувствия и преданности, которые он получает со всех концов России, делают его сильным и терпеливым... Густая молчаливая толпа ожидала прием. Странники, заметные по загорелым лицам, большой обуви и благочестивому виду, ожидали, сидя в тени башенного зубца. Они сделали несколько тысяч верст пешком, чтобы получить благословение патриарха. Сельский священник, нервный и застенчивый, ходил вдоль и поперек... Горожане и крестьяне, люди из народа главным образом, долгие часы, порою дни ждут, чтобы открылась маленькая дверь и мальчик певчий ввел их к патриарху Тихону» (№ 219, 1923 г.).

О большой любви и благоговейном уважении к нему верующих красноречиво говорит та трогательная заботливость, которой был окружен святейший. Верующие сделали все, чтобы он ни в чем не нуждался, а после его радостного для них освобождения осыпали цветами своего любимого первосвятителя.

Те многие и многие тысячи народа, которые стекались на его дивные службы, где на фоне общего великолепия к патриарху, простому и скромному и вместе неотразимо величественному, тянулись и взоры, и души всех!

Те многочисленные народные толпы, которые теснились к святейшему, чтобы только его увидеть, простаивали часами в храмах и около них и в жару, и в мороз, чтобы получить его патриаршее благословение.

Его огромный авторитет и общее почитание не ограничивалось пределами России. Православные восточные патриархи приветствовали его в 1917 году как своего брата и до самой его смерти, как правило, поддерживали с ним, насколько это было возможно, самую тесную каноническую связь.

Когда обновленцы в 1924 году стали распространять свою очередную ложь об «устранении святейшего всею Восточною Церковью», патриарх Сербский Димитрий в особой грамоте опроверг это утверждение, а обновленцам ответил советом прекратить церковную смуту и подчиниться святейшему Тихону, единственной главе Русской Православной Церкви.

Крайне больно было переживать все церковные беды любящему отзывчивому сердцу патриарха. Внешние и внутренние церковные потрясения, обновленческий раскол, непрестанные первосвятительские труды и заботы по устройению и умиротворению церковной жизни, бессонные ночи и тяжелые думы, более чем годичное заключение, злобная гнусная травля со стороны врагов, глухое непонимание и неумная критика со стороны подчас и православной среды подточило его когда-то крепкий организм. Начиная с 1924 года святейший патриарх стал настолько сильно недомогать, что в день Рождества Христова написал свое завещание, в котором, согласно постановлению Священного Собора от 25 апреля 1918 года, указывает себе преемника по управлению Русской Церковью. (В силу этого распоряжения святейшего Тихона после его кончины патриаршие права и обязанности перешли к митрополиту Крутицкому Петру).

Усилившаяся болезнь – сердечная астма – вынудила святейшего лечь в больницу доктора Бакунина (Остоженка, дом 19). Однако, находясь там, патриарх Тихон регулярно выезжал по праздничным и воскресным дням для служения в храмах.

В воскресенье, 5 апреля, за два дня до своей кончины, святейший патриарх, несмотря на болезнь горла, выехал служить литургию в церковь Большого Вознесения на Никитской. Это была его последняя служба, последняя литургия.

Результат длинного богослужения и речи, сказанной святейшим Тихоном поставленному им епископу, не замедлил обнаружиться прежде всего в сильном раздражении горла. Однако святейший, по-видимому, чувствовал себя окрепшим и даже предполагал через несколько дней совсем выйти из больницы, тем более, что приближалась Страстная неделя. Но Господь судил иначе.

Преставление – 25 марта/7 апреля

В самый день праздника Благовещения Он призвал к себе первосвятителя Русской Церкви.

Во вторник, 25 марта/7 апреля 1925 года, последний день его земной жизни, он принял митрополита Петра и имел с ним продолжительную беседу, после которой чувствовал себя очень утомленным. Еще за три часа до своей кончины патриарх беседовал с навещавшими его лицами, живо интересовался ходом церковных дел, сообщал о предполагаемом своем скором выходе из лечебницы и жалел, что недомогание не позволило ему совершить богослужение в великий праздник...

Вечером дежуривший при патриархе послушник К. Пашкович предложил ему прилечь отдохнуть, так как святейший страдал бессонницей: «Ночь все равно, Ваше Святейшество, Вы проведете беспокойно». Святейший ответил ему: «Теперь я усну... крепко и надолго... Ночь будет длинная...».

В половине двенадцатого ночи у святейшего начался сердечный приступ. Больной указывал на сердце и жаловался на боль. Была оказана обычная в таких случаях

медицинская помощь, но пульс продолжал падать... Медицинские усилия оказались тщетны. Было 11 часов 45 минут вечера. Святейший патриарх Тихон умирал.

Умирал он с тихой молитвой к Богу, молитвой благодарности, славословия и крестясь: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе, Господи, слава Тебе...» – не успел он перекреститься в третий раз.

Наутро звон церковью, молитвенно печальный, дрожал над городом певучей волной.

Ужасная весть быстро облетела столицу. В храмах начались богослужения. Верующие останавливались на улицах и передавали друг другу последние вести из Донского монастыря.

На следующий день были совершены во всех московских храмах литургии Иоанна Златоуста.

Знаменательно, далее, что патриарх умер в день смерти праведного Лазаря и за его погребением началась Страстная седмица.

Из патриаршей келлии, куда было сначала доставлено тело почившего, святейший был торжественно перенесен в сопровождении сонма духовенства во главе с преосвященным Борисом, епископом Можайским, в Большой собор Донского монастыря и облачен в патриаршее облачение – золотое с темно-зеленой бархатной оторочкой, шитой золотом и образами. На голову надета драгоценная патриаршая митра. Присутствовавшие архиереи по окончании облачения вложили в руки святейшему трикирий и дикирий и его руками благословили народ при произнесении диаконом измененных слов богослужения: «Тако светится свет твой пред человеки и вси видеша добрая дела твоя и прославиша Отца нашего, Иже есть на небесах», точно сам почивший патриарх прощался со своей паствой, в последний раз благословляя ее.

Поклонение почившему во гробе первосвятителю началось в среду и непрерывно продолжалось день и ночь, не прекращаясь во время всех богослужений.

В продолжении четырех суток служились панихиды над телом усопшего осиротевшими архипастырями и пастырями Православной Церкви, и день и ночь непрерывно шел верующий русский народ. После 5-7-часового стояния в огромной полутораверстной очереди входили в собор люди, съехавшиеся из всех городов России, куда успела дойти весть о кончине.

Входили с болезненно сжимающимися сердцами и с благоговением целовали последний раз холодную руку святейшего патриарха Тихона. И хотя большого количества прощавшихся в продолжении каких-нибудь ста часов не мог пропустить собор, однако проститься с патриархом приходило около миллиона человек.

В Вербное воскресенье, в Праздник вай, хоронила Православная Российская Церковь своего патриарха. Отпевание совершали 63 архиерея, в числе которых были 5 митрополитов, во главе с местоблюстителем патриаршего престола высокопреосвященным Петром, митрополитом Крутицким, и около 400 священнослужителей. Колоссальные толпы мало-помалу запрудили собой не только весь огромный монастырский двор, всю территорию монастыря, но и прилегающую громадную площадь, поле и соседние улицы. Это представляло собой нечто небывалое, что-то такое большое и сильное, чего, не видев, нельзя представить, а увидевши, нельзя забыть.

Благолепно и без торопливости совершался чин отпевания. После печального напева «Вечная память...» наступило молчание, точно никто не решался подойти, чтобы поднять гроб святейшего и нести на место последнего упокоения.

И вдруг среди мертвой тишины раздалось слова, кажется, ничего в себе не заключавшие, но которые по своей непосредственности и искренности дали выход общему чувству. Поились слезы...

На амвон вошел один из епископов. Он не говорил надгробные слова, он сделал, так сказать, административные распоряжения: «Сегодня мы погребаем одиннадцатого патриарха Всероссийского – Тихона. На похороны его собралась почти вся Москва. И я обращаюсь к вам с просьбой, которая безусловно должна быть выполнена. Дело в том, что

весь монастырский двор переполнен народом, ворота закрыты, и в монастырь больше никого не пускают. Все прилегающие к монастырю площади и улицы запружены народом. Вся ответственность за соблюдение порядка лежит на мне. При таком скоплении народа малейшее нарушение дисциплины может вызвать катастрофу. Прошу, не омрачайте великого исторического момента, который мы сейчас переживаем с вами. Первым выйдет отсюда духовенство, потом епископы вынесут святейшего. Пойдут только священнослужители в облачениях, все остальные останутся на местах... Никто не сойдет с места, пока вам не скажут. Вы должны исполнить это безусловно в память нашего святейшего отца патриарха. И я знаю, что вы это сделаете и не омрачите ничем этих исторических минут...» Далее он подчеркнул единение, всегда царствовавшее между патриархом и паствой. В заключение он предложил присутствующим пропеть «Осанна». Песнопение было подхвачено многотысячной толпой.

Лес хоругвей двинулся к выходу. За ним по четыре человека в ряд выходили священники. На открытой площадке перед собором стояли носилки, на которые будет поставлен гроб. Кругом толпился народ, а около самых ступеней множество фотографов, направивших свои аппараты на носилки.

Из собора показалось шествие. Архиереи несли гроб святейшего патриарха. Пение хора сливалось с перезвоном колоколов. При пении «Вечная память...» гроб был поднят, и весь народ подхватил песнопение, как только процессия двинулась...

Сам народ устроил цепь. Ни толкотни, ни давки. Согласно воле почившего, перед самым погребением гроб патриарха был внесен в его келлию, где он столько пережил, столько выстрадал.

Затем процессия двинулась к так называемому теплому храму, где была приготовлена могила. В темные двери вошли архиереи, и двери за гробом закрылись. Все утихло. В молчании стоял крестный ход перед закрытыми дверями храма. Там проходила лития. Но вот раздалось пение: «Вечная память...» Это гроб святейшего патриарха Тихона опускали в могилу. Печальный перезвон колоколов точно плакал над раскрытой могилой почившего патриарха.

Вслед за духовенством народ устремился к большому собору и целовал место, где стоял гроб усопшего.

На ответственнейшем посту первосвятителя святейший Тихон пробыл семь с половиной лет. Трудно представить Русскую Православную Церковь без патриарха Тихона в эти годы. Так неизмеримо много сделал он для Церкви и для самой веры.

Заслуги святейшего перед Российской Церковью неисчислимы. Замечательные слова сказал о нем митрополит Сергей Нижегородский: «Он один безбоязненно шел прямым путем в служении Христу и Его Церкви. Он на себе одном нес всю тяжесть Церкви последние годы. Им мы живем, движемся и существуем как православные люди».

Святейший Тихон был мудрым и опытным кормчим церковного корабля в бурные годы. Он сумел провести и сохранить его среди бушующих волн житейского моря. «И уже в одном этом, – сказал над гробом патриарха профессор-протоиерей Страхов, – несомненная и величайшая твоя заслуга».

В смирении и подвигах святейшего патриарха была видна помощь Божией Матери, Которая всегда опекала и укрепляла его; известно, что первое служение Московского митрополита Тихона было в Успенском соборе в праздник Успения Пресвятой Богородицы, позднее он избирается Поместным Собором перед образом особо чтимой святыни – иконой Владимирской Божией Матери. Патриаршая интронизация состоялась в Кремле, в Успенском соборе в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, и кончина совершилась тоже в Богородичный праздник – Благовещение.

Имеется еще одно знамение милости Божией Матери: в больнице, где находился перед кончиной патриарх Тихон, не было иконы. Он попросил принести икону, не указав, какую именно, его просьбу исполнили – из Зачатьевского монастыря принесли икону Благовещения Пресвятой Богородицы.

Несмотря на всю свою первосвятительскую занятость, святейший Патриарх Тихон часто служил. В среднем в месяц он совершал 23-25 богослужений. Это был его благодатный подвиг предстояния престолу Господню. Это его земное предстояние Царю славы за Русскую Церковь ныне продолжается в предстоянии небесном.

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 9 октября 1989 года святейший патриарх Тихон был причислен к лику святых: "память совершать в сей день его прославления (9 октября), а также внести в месяцеслов дату его преставления в день Благовещения Пресвятой Богородицы".

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-tihon-belavin>

Тропарь, глас 1

Апостольских преданий ревнителя / и Христовы Церкви пастыря доброга, / душу свою за овцы положившаго, / жребием Божиим избранного / Всероссийскаго Патриарха Тихона восхвалим / и к нему с верою и упованием возопиим: / предстательством святительским ко Господу / Церковь Русскую в тишине соблюди, / расточенная чада ея во едино стадо собери, / отступившия от правыя веры к покаянию обрати, / страну нашу от междоусобныя брани сохрани / и мир Божий людем испроси.

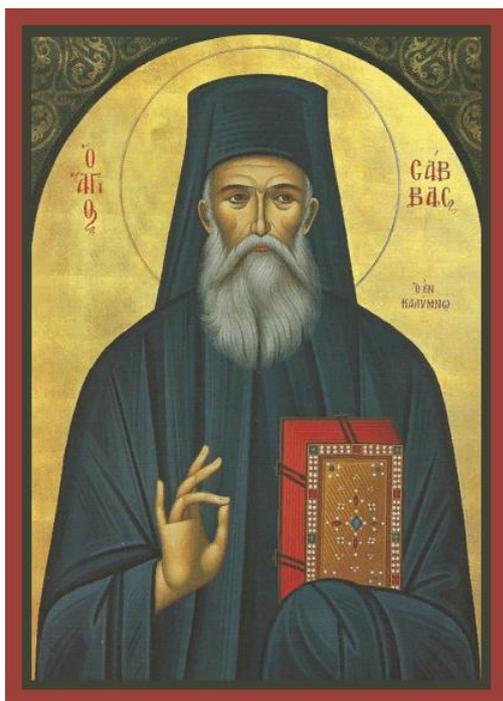
Ин тропарь, глас 3

В годину тяжкую Богом избранный / в совершенной святости и любви Бога прославил еси, / во смирении величие, в простоте и кротости силу Божию являя, / положил душу за Церковь, за люди своя, / исповедниче патриарше святе Тихоне, / моли Христа Бога, / Емуже сораспялся еси, / и ныне спасти землю Русскую и паству Твою.

Кондак, глас 2

Тихостию нрава украшен, / кротость и милосердие кающимся являя, / во исповедании православныя веры и любве ко Господу / тверд и непреклонен пребыл еси, / святителю Христов Тихоне, / Молися о нас, да не разлучимся от любве Божия, / яже о Христе Иисусе, Господе нашем.

Преподобный Савва Новый, иеромонах

Святой Савва родился в 1862 году в деревне Гераклица в Восточной Фракии. При крещении он получил имя Василиос. Помимо него у родителей была еще дочь - его младшая сестра. Дети посещали школу всего несколько лет. Времена были трудные, и когда Василиосу исполнилось двенадцать лет, отец открыл для него маленький магазинчик, чтобы мальчик мог работать и помогать семье.

Василиос рос и укреплялся в желании стать монахом, но родители не давали на это согласия. Тогда юноша тайком ушел на Афон.

На Афоне Василиоса приняли послушником в скит Праведной Анны. Несколько лет его учили писать иконы и петь, а в 1887 году он отправился в Иерусалим, поступил там в монастырь святого Георгия Хозевита и в 1890 году принял монашество. В 1894 году он снова поехал на Святую Гору, чтобы продолжить изучение иконописи, и в 1897 году вернулся в монастырь святого Георгия. В 1903 году был рукоположен в сан священника и провел год в

Школе Православного Богословия в честь Святого Креста. С 1907 по 1916 год вел отшельническую жизнь на берегах реки Иордан, где построил себе две кельи. Кельи находились на такой высоте, что добраться до них можно было лишь с помощью веревочной лестницы. По сведениям его биографа Василиоса Папаниколау, он почти ничего у себя не имел, спал на полу, а пищей ему служила "одна ложка размоченной пшеницы в день и вода из реки Иордан". Даже если это фигуральное выражение, указывающее просто на строгое воздержание, но и понимаемое буквально, эта фраза свидетельствует о факте, не раз имевшем место в истории благодатного подвижничества.

В 1916 году отец Савва поехал на Афон (возможно, ему требовалось лечение), а возвратившись, обнаружил, что его келью кто-то разрушил. Палестина попала под протекторат Британии, и в связи со сменой правительства в стране царил беспорядок. Отец Савва почти сразу же вернулся в Грецию, где прожил два года на острове Патмос в монастыре святого Иоанна Богослова. Оттуда плавал на острова Парампола и Гидра в поисках места, где мог бы поселиться. Кажется, он еще раз побывал на Горе Афон, а потом очутился в Афинах, встречался со святителем Нектарием Эгинским. Святитель Нектарий попросил его приехать в монастырь Святой Троицы — учить сестер византийскому церковному пению и иконописи. Отец Савва прожил со святителем Нектарием около года, до самой смерти Старца, и, возможно, сам отпевал его. Те, кто знал святого Савву в те годы, говорили о нем как о человеке крайне сдержанном. Святитель Нектарий, обращаясь к нему, ласково называл его "святой Савиной" из-за его застенчивого, мягкого характера. После кончины святителя Нектария отец Савва еще шесть лет прожил в монастыре, а потом ушел оттуда в поисках более уединенной жизни.

Рассказывают два интересных случая из его жизни на Эгине. Первый произошел через несколько месяцев после смерти святителя Нектария. Однажды отец Савва попросил настоятельницу оставить его одного в келье на сорок дней. По прошествии шести недель он вышел с иконой святителя Нектария в руках и сказал, чтобы настоятельница положила эту икону в храм на аналой. Она с удивлением ответила, что владыка Нектарий еще не канонизирован и что, если она выполнит его просьбу, их могут наказать. Отец Савва на это ответил: "Вам следует проявлять послушание. Положите икону на аналой и не упорствуйте в исследовании воли Божией".

Второй случай имел место вскоре после кончины святителя Нектария. Одна из послушниц, простая молодая девушка, сильно скорбя о потере своего духовного отца, начала раскапывать его могилку, чтобы снова взглянуть на него. Сестры застали ее за этим занятием и, разгневанные, привели к отцу Савве. Отец Савва назначил ей строгое наказание за посягательство на могилу и в течение какого-то времени не допускал ее к Святому Причастию. Молодая послушница умоляла простить ее. Она говорила, что, раскапывая могилку, она не знала, что это грех. После того, как сестры вышли из кельи, отцу Савве явился святитель Нектарий и сказал: "Старче, прости ее. Она очень молода, она не знала, что это грех. Она не знала. Позволь ей причаститься в Великий Четверг. Позволь ей причаститься до Великого Четверга. Ты слышал, Старче? Будь снисходителен. Она не знала. Ты слышал? Спасибо".

Покинув Эгину, отец Савва перебрался на Калимнос и до конца жизни оставался там, если не считать кратких поездок в Афины. Сначала он пришел в монастырь Всех Святых, где незадолго до того скончался основатель и духовный отец Иерофей Курунис. Потом отец Савва посетил монастыри святой великомученицы Екатерины и святителя Николая в Хели (Хелионе), но ни в одном из них не нашел столь милого его душе уединения. В конце концов вернулся в монастырь Всех Святых, полагаясь, скорее всего, на собственную интуицию, подсказывавшую ему, что именно это место предназначено Богом для него. Как-то раз, в этот период, одной из стареньких монахинь приснился сон, в котором отец Иерофей показывал отцу Савве место, где он должен был поставить для себя келью. После своего возвращения отец Савва построил ее именно на этом месте. Сестры признали его духовный авторитет и не сомневались, что ему Богом суждено остаться с ними, поскольку отец

Иерофей, лежа на смертном одре, предсказывал, что скоро к ним придет некто, превосходящий его самого в духовном отношении.

Отец Савва построил себе келью и иконную мастерскую, а к ним пристроил еще три комнаты - часовни в честь святого Саввы Освященного, святого Георгия Хозевита, и святого Иоанна Богослова, то есть собственного небесного покровителя и покровителей монастырей, в которых ему довелось подвизаться до того. Он годами пытался собрать сумму денег, достаточную для строительства храма Архангелов Михаила и Гавриила. Одна состоятельная посетительница монастыря как-то пообещала пожертвовать средства на строительство этого храма, но отец Савва почил до того, как пожертвование было сделано, и та женщина забыла о своем намерении дать денег на новый храм. Однако вскоре после своей кончины отец Савва явился ей у нее дома в Афинах и напомнил об обещании. Она пожертвовала сто двадцать килограмм золота, и храм был построен. При его освящении местный епископ настаивал на том, что храм нужно посвятить не Архангелам, а святителю Иоанну Златоусту. Сестры очень расстраивались по этому поводу, пока однажды ночью святитель Савва не явился настоятельнице Филофее, молившейся на его могилке. Она спросила его, что им теперь делать, и он ответил: "Ну, чадо, все хорошо и благословенно. Соглашайтесь, соглашайтесь, соглашайтесь", после чего трижды благословил храм и исчез.

Жизнь его в монастыре Всех Святых была простая: он исповедовал, служил литургию, помогал работникам в строительстве церкви. По словам его биографа, спал он ночью всего по несколько часов и помогал всем, кому мог помочь. На всем острове вряд ли нашелся бы сирота или вдова, которым он не оказал материальной помощи. Получая пожертвования, он строил на эти средства храмы или отдавал нуждающимся, считая, что грех монаху держать у себя в келье деньги после наступления ночи. Он мало говорил о самом себе, своем прошлом и своих отношениях со святителем Нектарием, поэтому до нас дошло мало воспоминаний, услышанных из его собственных уст. Мы знаем, что в круг его чтения входило Евангелие, Псалтирь, Эвергетинос (собрание поучений отцов-пустынников) и "Лествица" преподобного Иоанна Лествичника. Из "Лествицы" он пересказал письменно девять основополагающих идей, назвав их "Определения безупречного монашеского поведения". Кроме этого краткого собрания заметок, до нас не дошло больше ничего из написанного им. Как и на Эгине, он продолжал писать иконы, многие из которых сейчас хранятся в этом монастыре.

Сейчас в живых осталась лишь одна монахиня, лично знавшая отца Савву. Это восьмидесятишестилетняя сестра Феврония, которая уже не может ходить и проводит все дни за плетением крестиков из бисера. Как-то днем, сидя на краешке своей кровати, она поделилась со мной воспоминаниями о святом Савве: Когда я была маленькая, восьми или девяти лет, я часто видела отца Савву в городе, куда он ходил за покупками. Моя семья держала овощную и бакалейную лавку, и я, бывало, помогала ему донести свертки с покупками до монастыря. Однажды в ужасно жаркий день, еле-еле поднявшись по крутой пятикилометровой дороге к монастырю, мы оба взмокли и были в изнеможении от жары. Геронда [Старец], будучи монахом, никогда не купался, поэтому решил сменить мокрую от пота нижнюю рубашку, а мне велел пока посидеть во дворе под деревом. Он сходил в келью, сменил рубашку, а мокрую вынес и повесил сушиться на это дерево. Я сидела рядом и вдруг почувствовала, что пахнет миром. Я подумала: "Откуда такой запах?" и стала искать вокруг себя его источник. Наконец обнаружила: это была его мокрая рубашка. Она издавала сладкое, неземное благоухание, как мощи в храме.

Моя мать, Поликсения, была духовной дочерью отца Саввы. Однажды, придя в монастырь накануне одного из богородичных праздников, она сказала: "Приготовлю себе еду сегодня". (В праздник никто не должен выполнять никакой работы). Отец Савва ответил: "Тогда приготовим вместе". Он взял маленький брики (крошечный ковшик с длинной ручкой для прибавления кофе), налил в него чуть-чуть воды, положил туда немного рыбы и плеснул капельку масла. Он приготовил эту еду, держа ковшик над

маленьким язычком пламени, и сказал: "Ну вот, и мой пир готов", и попросил мать никому не рассказывать, как он питается.

К отцу Савве на исповедь приходило великое множество людей. Он был очень добрым и смиренным. Все говорили, что он смиренный. На исповеди он относился ко всему с пониманием, но был очень строг в отношении осуждения, богохульства и проклятий. Однажды мать на исповеди рассказала ему, что проклинала своих детей. Святой Савва заставил ее стать на колени и в качестве наказания провести языком по земле.

У меня было шестеро братьев и сестер, и отец Савва хотел, чтобы мы ходили на исповедь каждую субботу. В те времена в Греции это было очень необычно, поскольку все тогда исповедовались один, самое большее два раза в год. Однажды мать решила заказать литургию, но когда попыталась дать Геронде за это денег, он не взял. Мои родители держали лавку, и он сказал: "Если что-то хотите пожертвовать, принесите миски и стаканы. Потом сюда придут еще сестры, и им понадобится посуда". Видите, он знал, как вырастет наш монастырь.

Отец Савва не любил связываться с деньгами и все, что ему давали, оставлял в ящике на столе. Когда шло строительство келий для монастыря, рабочие приходили к нему по субботам получить плату. Отец Савва махал рукой в сторону ящика и говорил: "Берите, сколько нужно". В обоих боках у него была грыжа — помогая рабочим строить кельи, он таскал тяжелые камни.

Во время Второй Мировой войны Калимнос оккупировали итальянские войска. Эти солдаты были вежливыми, хорошими людьми. Они относились к нам по-доброму и часто, видя, как мы карабкаемся к себе в гору с тяжелой ношей, помогали донести ее до обители. (Однажды, когда мне нужно было очень долго идти пешком, несколько солдат дали мне своего ослика. Я не умела ездить на осле, поскольку на острове из-за всеобщей бедности в те дни осликов почти ни у кого не было. Как только я на него села, так сразу и свалилась. Солдаты меня подняли и после этого шли рядом, поддерживая меня, чтобы я снова не упала.)

Несмотря на их доброту, греки боялись, как бы они не превратили наши церкви в католические храмы. Поэтому мы все свои церкви позакрывали, и лишь в полночь приходили служить литургию. Святой Савва тоже так служил. Только на Пасху все церкви были открыты.

Когда я была совсем маленькой, отец Савва сказал, что я стану монахиней. В возрасте восемнадцати лет я ушла в обитель святой Екатерины, где моим духовником был отец Киприан. С тех пор я отца Савву не видела.

Как-то, уже после смерти Геронды, когда настоятельницей у нас была матушка Филофея, здесь работал один плотник. В какой-то момент он отказался заканчивать работу, решив идти в монастырь святой Екатерины и начать какую-то работу там. Наша Старица, матушка Филофея, была от этого в большом расстройстве. И вот ночью этому плотнику приснился отец Савва и сказал: "Ты здесь работу не закончил. Ты не уйдешь в монастырь святой Екатерины, потому что я тебе здесь помогаю".

Отец Савва отошел ко Господу в день Благовещения (по старому стилю) 1948 года, то есть 7 апреля по новому стилю. Последние его наставления сестрам были: "...любовь ... это залог совершенства", а настоятельнице он сказал: "Любовь, любовь, любовь (Агапа, агапа, агапа)". Потом он шесть раз хлопнул в ладоши со словами "Господь, Господь, Господь..."

В 1957 году в присутствии митрополита острова Калимнос Исидора совершилось открытие мощей святого Саввы. Митрополит Исидор засвидетельствовал, что "кости его прекрасно соединены суставами, а облачение, как новое". Когда вскрыли гроб, вокруг разлилось божественное, неземное благоухание, которое достигло даже весьма отдаленных окраин города. В 1961 году иконописец скита Кавсокаливия на Горе Афон по просьбе настоятельницы Филофеи написал икону святого Саввы. Икона была доставлена паромом, и когда ее переносили с почты к зданию таможни, где ее встречали сестры, сам собой зазвонил монастырский колокол. Он звонил до тех пор, пока икону не принесли в обитель.

Чудеса после кончины святого Саввы

После смерти о. Саввы было столько чудес, что записывали их (даже на греческом языке) избирательно. Сами сестры рассказали мне несколько таких чудесных случаев.

Эту историю рассказал и удостоверил ее подлинность житель острова Калимнос Скивос Ригас, сам присутствовавший при этом событии. В 1957 году в компании молодых людей в городе Калимнос заговорили об отце Савве. Один из собравшихся, не веривший в его святость, сказал: "Если вот эта лампа сейчас разобьется — я поверю". В то же мгновение лампа развалилась на части.

В 1962 году Кула Зографике сообщила следующее: ее двухлетний сын проглотил гвоздь. Он кричал от боли, его рвало кровью.

Не зная, что делать, Кула стала горячо молиться святому Савве. Через несколько секунд ребенок начал тужиться, будто просясь на горшок, и когда малыш сходил на горшок, Кула увидела, что гвоздь чудесным образом вышел, не причинив ребенку никакого вреда. Сейчас этот гвоздь хранится в церкви.

Зимой 1963-1964 годов потоки дождя затопили нижние кельи монастыря. Сестра Филофея проснулась и, увидев воду, позвала остальных. Сестры быстро схватили ведра и с пением тропаря святому Савве начали вычерпывать воду. Одна из монахинь болела и не могла помогать им. Она из окна смотрела, как они работают, и видела, как под огромной сосной, посаженной им самим во дворе, стоит святой Савва. Воду вычерпали намного быстрее, чем ожидали.

В 1982 году мальчик из семьи Касталоризу стал жаловаться на боль в ноге. Рентген обнаружил затемнение на кости, оказавшееся злокачественной опухолью. Болезнь прогрессировала, ребенка парализовало, и он был выписан из больницы умирать дома. Он лежал, надолго впадая в беспамятство. Однажды, когда его мать Никола Касталоризу сидела у его постели, он заговорил, словно рассказывая что-то, чему он в тот момент являлся свидетелем: "Теперь я иду к горе [он не знал слова "монастырь" - монастырь Всех Святых стоит на высокой горе над городом и океаном], чтобы встретиться со святым Саввой". Теперь я возле горы со святым Саввой, он дает мне что-то съесть". (Ребенок не мог есть, но в этом сне он ел.) После того, как мальчик поел, святой Савва сказал: "А теперь беги!" Мальчик ответил: "Я не могу бежать, мне больно". Святой Савва опять сказал: "Беги, беги!" и мальчик воскликнул: "Я бегу, бегу!". Потом он снова заговорил: "Теперь я у нас в саду, а святой Савва со мной". но теперь его нет". Когда мальчик пришел в сознание, обнаружилось, что он может ходить, сначала с трудом, а потом свободно. Родители отвели его в больницу, и там врачи констатировали факт полного выздоровления. Впоследствии эта семья съездила в паломничество в монастырь Всех Святых, чтобы выразить святому свою благодарность.

В 1993 году жительница острова Родос Екатерина Блахов некоторое время страдала сильнейшими головными болями. Местные врачи ничем не могли ей помочь и, опасаясь (после получения результатов рентгеновского исследования), что ее положение может оказаться серьезным, направили ее в Афины, где она должна была пройти множество анализов. На пароме, шедшем до Афин, она познакомилась с женщиной с острова Калимнос, которая рассказала ей о святом Савве и подарила иконку и масло от его лампы. Больная помолилась и помазалась маслом. К тому времени, когда она прибыла в Афины, боль утихла, и рентген не показал ни одной из тех проблем, что были диагностированы на Родосе. Однако на этом рентгеновском снимке, прямо в середине, оказалось небольшое изображение — силуэт святого Саввы. Рентгенолог не мог объяснить, как это произошло. Сестры хранят этот снимок в храме в память о чудесном исцелении.

Сестра Татиана, француженка, уже много лет подвизающаяся в монастыре, рассказала мне два известных ей случая предстательства святого Саввы: "В 1993 году мы строили новый храм в честь святого Саввы, и у нас кончился цемент, а денег на покупку его не было. Святой Савва явился во сне одному человеку на острове Кос с просьбой пожертвовать нам

цемент, что тот и сделал. Примерно в то же время мы занимались подготовкой к празднику святого Саввы. Поскольку я одна из самых молодых сестер, мне приходилось выполнять много тяжелой физической работы, и я очень устала. В тот же день с соседнего острова Кос приехали мне на помощь две девушки. Они сказали: "Святой попросил нас приехать помочь Вам, потому что Вы устали".

В тот день, когда автор данной книги прибыла в монастырь Всех Святых, был девятый день после кончины Екатерины Мastroвасили, старой жительницы Калимноса, и по ней служили панихиду. Когда Екатерина была молодой женщиной с маленькими детьми, она сильно заболела и была близка к смерти. К ней домой пришел отец Савва - он тогда еще был жив - и сказал: "Ты не умрешь, ты проживешь до девяноста шести лет". За сорок дней до ее кончины, в ночь с 6 на 7 сентября 1997 года святой Савва явился ей. Он сказал: "Время пришло, теперь ты умрешь". Она рассказала об этом своим детям и спустя несколько недель тихо скончалась в возрасте девяноста шести лет, как и предсказывал ей святой Савва.

Память святого Саввы празднуется в день его кончины, 25 марта (7 апреля по новому стилю) и в пятое воскресенье Великого Поста.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-savva-novyj>